Станислав Шульга

Архивы Сквозной Сети

Трафик-трекер
Медный Гвоздь
Поздний ноябрь 2.0.1.2
Диспетчер атаки
Конус тишины
Джем-тестер
Хибра
Spook-FM
Санкционированная галлюцинация

18+

Том 1

Станислав Шульга

Архивы Сквозной Сети. Том 1

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шульга С.

Архивы Сквозной Сети. Том 1 / С. Шульга — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Реальность, альтернативная нашей, с точкой расхождения в 1996 году. Интернет эволюционировал в Сайберглоб, глобальное цифровое пространство. Искусственный интеллект обрел автономность, но не стремится поработить создателей, он просто ищет свое место в мире. «Горячих» конфликтов становится меньше, но борьба за доминирование не прекращается, основные боевые действия смещаются из физической реальности в информационную сферу.

© Шульга С., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Вступление

Тексты этого сборника рассказов описывают реальность, альтернативную нашей с точкой расхождения в 1996 году. Это означает, что все события до этого года соответствуют нашей истории, а то, что было после содержит значительную долю вымысла. Во многом это привычный нам мир, с узнаваемыми деталями быта, политической картой мира и тому подобным. Впрочем, это тоже верно до определенного момента. Чем дальше, тем различия становятся все сильнее и в какой-то момент описываемое становится чистым вымыслом.

Интернет эволюционировал в Кибернетический Глобус, глобальное цифровое пространство. Робототехника вышла на уровень массового использования. Искусственный интеллект обрел автономность, но не стремится поработить создателей, а просто ищет место в непонятном ему мире. “Горячих” конфликтов становится меньше, что дает возможности реализации крупных инфрастуктурных проектов, например, Магистрали – трансконтинентального транспортного коридора. Впрочем, борьба за геополитическое доминирование не прекращается, просто основные боевые действия смещаются из физической реальности в информационную сферу.

Сборник включает в себя все завершенные на данный момент тексты, кроме романов “Хаос-генератор” и “Декодер”. Первый представляет собой отдельную книгу, а полный вариант второго дорабатывается вместе с другими рассказами. Напомню, что в сборнике АСТ 2005 года “Диспетчер атаки” вышли только первые две части, да и то, недоработанные. Соответственно, это будут 2-ой и 3-ий тома Архивов.

Этот сборник адресован как тем, кто уже знаком с моим творчеством, так и тем, кто нет.

Для тех, кто еще не знаком с текстами, советую начать с коротких рассказов, например, со связки “Медный гвоздь” и “Spook-FM”. Это небольшие вещи и если они вам понравятся, то можно переходить к более крупным вещам “Диспетчеру атаки” и “Конусу тишины”.

Для тех, кто уже читал их и не совсем понимают, что за “Архивы Сквозной Сети” когда всю дорогу это называлось “гейткиперский цикл” немного проясню ситуацию.

В 2006 году я продумал общие рамки сеттинга, в который уместились бы как тексты “гейткиперского цикла”, так и то, что было написано до него. Черновиков и сопутствующих материалов получилось довольно много, и, чтобы это добро не пропало, я придумал общую канву для всего, что было написано. Сеттинг несколько раз перерабатывался и продолжает дорабатываться. Сами тексты, конечно же, будут доведены до завершенного вида. Рассказ “Хибра”, кстати, относится к событиям далекого будущего все той же альтернативной реальности.

Что же такое Сквозная Сеть? Это информационная инфраструктура далекого будущего. Она соединяет материальный мир, информационное пространство, созданное людьми и Основу, то есть ноосферу, “вышний мир”. Соответственно, в архивах содержатся тексты, касающиеся истории Последнего Века и далее. Впрочем, я немного увлекся. Об этих событиях будет рассказано в следующих томах “Архивов Сквозной Сети”.

Для оформления обложки использована иллюстрация к рассказу "Поздний ноябрь 2.0.1.2" Оксаны Романовой (http://old.mirf.ru/Articles/art524.htm).

Трафик-трекер

В гостиничном номере прохладно и пахнет свежим постельным бельем. Шторы задернуты не плотно, бледный свет улицы струится через узкую прорезь. Не снимая высоких шнурованных ботинок, мужчина, прихрамывая, подходит к окну. Дорожная сумка плавно опускается на мягкий ковер. Левой рукой одергивает штору, и свет улицы пробивает безразличие комнаты.

Номер расположен на восемнадцатом этаже здания, что стоит на крутом холме. Фасад смотрит на главную площадь столицы. Противоположную сторону Площади огораживает семь высоких зданий, образующих полукруг. Шесть улиц уходят вверх, разрезая темноту светом

фонарей. Саму Площадь пересекает проспект, шестирядная магистраль, соединяющая западную и восточную часть города. На выходные проспект в центре закрывают для транспорта. Горожане любят гулять здесь и по прилегающим скверам. А сама Площадь давно стала местом, где молодежь традиционно назначает свидания.

Так было до недавних пор. Сейчас центр города ощетинился баррикадами. Лавки торчат из ледяных валов вместе с частями заборов, покрышек, арматуры и колючей проволоки. Их возвели две недели назад, после того, как правительство во второй раз попыталось разогнать мирную демонстрацию. Ночной штурм Площади отбили те, кто уже месяц стоит здесь, и горожане, что пришли к ним на помощь. Снег выпал на следующий день. А к вечеру ударил мороз, превратив в лед возведенную за день и залитую из брандспойтов крепость.

Там, за грязно-серыми валами – лоскутное одеяло. Армейские тенты, туристические палатки, деревянные домики, в которых еще месяц назад должны были открыться магазины рождественских сувениров. Яркие огни – это бочки, в которых жгут дрова. Дымят походные армейские кухни. Посередине городка стоит сцена, с которой постоянно выступают ораторы. На двух близлежащих зданиях установлены огромные голографические экраны, демонстрирующие происходящее на сцене и Площади.

Месяц назад здесь стояли те, кто еще верил в силу слова и надеялся быть услышанным. Сейчас – это котел, в котором бурлит ненависть и решимость идти до конца. Слова, призывающие к миру, еще звучат, но с каждым днем призыв к войне становится все громче. Он задергивает штору и садится на кровать.

Он видел это не раз. Другие страны, другие города, но разница только в деталях пьесы.

***

Его дед коллекционировал часы. Древние механизмы, давным-давно убитые электричеством. Стены одной из комнат его квартиры были увешаны этим антиквариатом. Однажды дед снял особенно потрепанный экземпляр и спросил внука: "Что ты видишь?" – "Три стрелки, белый диск и двенадцать цифр. Одна стрелка быстро крутится" – "Вещи немного сложнее, чем кажутся". Потом дед перевернул часы и открыл заднюю стенку. Под ней обнаружились десятки металлических деталей. Дед называл их "шестеренками", "пружинами", "валами" и "подшипниками". Время, до того мерцавшее холодными цифрами электронных дисплеев, превратилось в живую силу. Оно перетекало между шестеренками, наматывалось на валы и скручивалось пружинами.

С тех пор он часто заглядывал к деду в мастерскую. Часы стали главным увлечением детства. Он много узнал не только про пружины и шестеренки. Дед рассказал ему про ключи и тех, кто их крутит, запуская ход вещей. Потом, значительно позже, привычка вскрывать задние стенки предметов превратилась в работу. А еще позже он стал зарабатывать тем, что находил ключников и разматывал причинно-следственные связи, накрученные на замысловатые шестеренки бытия.

Он стал трафик-трекером.

***

За периметр его пустили не сразу. Сначала просветили обычным сканером на предмет оружия. Потом к нему подошел активист, на шлеме которого тусклым огнем мерцала эмблема "Киберсотни". Древний китайский знак "Инь-янь", только вместо точек в части инь красовалась единица, в зоне янь – ноль. Киберсотенец одел сенсорные рукавицы-сканеры. Он выставил руки вперед и застыл. Результаты сканирования отображались на внутренней поверхности

его широких "стекол", очков "наложенной реальности". Активист искал импланты, "жучки", любую следящую технику. Наконец, махнул рукой, разрешив пройти.

Хорошие сканеры. На радиобазаре такого не купишь. Эти ребята еще месяц назад не могли и мечтать о том, что получат в руки такое "железо" и "софт". Подарки оттуда, от тех, кто по другую сторону тени. Только с ним эти штуки все равно бы не сработали. Просто потому, что ни на нем, ни в нем нет "железа". Нет нанов, биожучков, распределенных "роевых" систем. Все его импланты – пара пломб в передних зубах верхней челюсти и стандартный нейро разъем на правой руке.

Трафикер осмотрелся по сторонам.

Юноша в балаклаве и серой куртке что-то шепчет девушке в оранжевом шлеме. Нижняя часть ее лица обмотана шарфом, а веселые глаза искрятся радостью. Парень обнимает девушку, и она прижимается к нему, продолжая влюбленно глядеть в карие глаза, обрамленные узкой прорезью маски. Мужчина средних лет в военном шлеме с ободранной символикой улыбается и что-то говорит сидящему рядом деду в плотной телогрейке и высокой меховой шапке с металлической бляхой. Оба громко смеются, а девушка машет на них рукой.

Костер в бочке полыхает оранжевым пламенем. Яркие искры летят вверх, чтобы раствориться во тьме, из которой сыплется снег.

Эта молодая пара здесь с первых дней. Студенты филфака первыми вышли на Площадь месяц назад. Они стояли в рядах демонстрантов, единственным оружием которых были зажженные экраны смартфонов. Когда "Кондор" пошел в атаку, ее сбили с ног, и парень помог ей скрыться в близлежащем квартале. С тех пор они вместе. Вместе верят, что Площадь изменит эту страну к лучшему.

Сорокалетний мужчина в каске. "Потерянное поколение". Реформы двадцатилетней давности сломали старые "социальные лифты", но так и не построили новых. Университетский отличник, выйдя за порог "альма-матер" понял, что шесть лет учебы прошли зря. Он сменил дюжину мест работы, от продавца на рынке до оператора казино-кластера в Шельфе Кибернетического Глобуса. Временами неплохо зарабатывал, но все эти годы тосковал. Он умел зарабатывать, но ему не хватало "Большого Дела". Работы, которая придавала бы жизни смысл. На Площади он обрел то, что искал двадцать лет. "Большое Дело", способное изменить мир к лучшему. Чувство вины, тихо глодавшее душу все эти годы, пропало.

Со стариком в высокой шапке все просто. Грезы о лучшей жизни сводились к желанию иметь двухэтажный дом и кусок земли. Желательно с лесом. Тяжелый сельский труд не оставлял времени на рефлексию о чем-то другом. Он тяжело работал и построил дом у леса. Через два года в село приехали городские в черных плащах. О чем-то поговорили с главным на селе. На следующий день гости явились к старику. Будь он моложе, сломанных челюстей было бы больше. Но четверо на старика… Следующие два месяца дед провалялся в сельской больнице. Возвращаться ему было уже некуда – дом снесли. Сюда приехал, чтобы отомстить всем, кто носит черные плащи.

Взгляд скользит, фиксируя лица, одежду, язык тел, предметы в руках, все мелочи. Трафикер знает о них все. Они могут прятать лица за масками, надевать экранирующую одежду, звонить по телефонам с "плавающими" номерами, но он все равно знает о них все. Это его работа – знать все. Достаточно десятка мелких деталей, чтобы выяснить прошлое и понять будущее. Пара пуговиц на зимнем пальто скажет ему, что любит человек носить летом. Минута жестикуляций – объем словарного запаса и район, в котором живет человек. Форма черепа – родословную до пятого колена.

Его сознание выделяет две субличности. Первая сопоставляет увиденное с базой из открытых источников, которую он загодя прокачал через себя. Вторая шерстит списки партий и группировок, которые светились в соцсетях и "серых" кластерах Кибернетического Глобуса. Он аккумулирует данные о тех, кто собрался здесь, и для этого ему не нужна волновая камера.

Мозг обычного человека помнит все, но далеко не все могут вспомнить то, что нужно в тот момент, когда это нужно. Ему достаточно мимолетного взгляда и человек навсегда останется в его памяти, с которой он управляется лучше, чем вилкой за обеденным столом. Он должен увидеть и запомнить всех, потому что он ищет.

Ищет человека.

***

Она была из семьи потомственных симулякров. Дед не доверял фейсбуку и выбросил подаренную на юбилей цифровую камеру, не сделав и снимка. Его сын и дочь с ранних лет усвоили, что входить в сеть без маскировки адреса нельзя. Внучку невестка рожала дома. Инспектор по делам детей наведывался к ним дважды. Первый раз ему объяснили, что ребенок воспитывается дома и в детсад не пойдет. Во второй раз он получил пухлый пакет налички, и больше его не видели.

За несколько десятков лет они сумели создать влиятельный трайб симулякров. С точки зрения сети их не существовало. Они старались не следить в Кибернетическом Глобусе и чистили то, что так или иначе оставалось. Они не пользовались кредитками и биометрическими паспортами. Создавали фейковые личности, писали несуществующие судьбы. Это граничило с паранойей, но не лишенной смысла. И в этом состоял семейный бизнес. Люди без лиц, "информационные призраки" с десятками масок.

Спрос на их услуги не иссякал.

Две недели назад трафикер пересекся в аэропорту Брюсселя с главой семьи. На бегущей дорожке терминала стоял постаревший друг. Он держал в руке журнал, на обложке улыбалась девушка с Площади. Просьба в глазах читалась ясно. Позже, на старых "связных" кластерах трафикер нашел несколько "маркеров", уточнявших задачу.

Отказать не мог. Девчонку он знал с пеленок. До десяти лет она называла его дядей.

Те мальчишки, которые просвечивали его сканерами, являлись низшим звеном в информационной структуре Площади. Они знали своих руководителей и догадывались о кукловодах высшего уровня. Но они и понятия не имели о трех трайбах, что собирали информацию о происходящем на Площади.

Она здесь. Краткосрочный контракт на пару недель. Должна была выйти до начала горячей фазы. Ситуация шла к точке невозврата, но девушка не вернулась, и связь с ней пропала. Семья провела на Площади два дня и не смогла ее найти. Окно возможностей сужалось, и они поняли, что не успеют.

Тогда обратились к нему.

***

О трафик-трекерах ему рассказал Нетфер. Самоучка-первопроходец, имевший группу учеников и специфический бизнес на этом поприще.

Сидя на ступеньках киевской набережной, Нетфер взял камешек и бросил в воду. "Что ты видишь?" – "Круги на воде" – "Круги – это видимые следствия, камень – это скрытая причина. Следствия лежат на поверхности, но что послужило причиной, сказать трудно. Чтобы определить массу камня, трафикеры работают с кругами на воде" – "Насколько успешно?" – "Настолько, что могут понять мотив того, кто бросает камни".

Трафик-трекеры – люди, которые знают все. Они выяснили, кто убил Кеннеди, что на обратной стороне Луны и кто на самом деле придумал теорию заговоров. Они умеют читать круги на воде. Ясное дело, что истории про убийства старых президентов были интересны

только домохозяйкам. А вот некоторые "истории", творящиеся в режиме реального времени, интересовали многих.

Широко распространенным стереотипом стало то, что жизнь "людей, которые знают все" в постоянной опасности. Все трафик-трекеры сидят под семью замками, охраняемые батальонами частных армий. Они невидимки, умело скрывающиеся от чужих глаз. Доля правды в этом была, но незначительная. Да, некоторые отшельники годами не покидали штаб-квартир корпораций, но они и до этого слыли гиками, месяцами не покидавшими подвалов. Параноики, прятавшиеся от невидимых врагов, либо были параноиками с рождения, либо стали такими из-за неконтролируемых ментальных практик и психотропных симуляторов. На самом деле, все сложнее и проще одновременно.

"Рассказывают, что когда Лютер прибил свои тезисы к дверям собора и вокруг них поднялась кутерьма, кто-то приписал на бумажке: "Я не могу так красиво говорить в защиту истины, как господин Лютер, но у меня тут десять тысяч вооруженных парней".

Не пойди эти и другие тысячи вооруженных людей за Лютером, не прикрой курфюст Фридрих богослова, Реформация не случилась бы. Девяносто пять тезисов остались бы памятником философской мысли. Можно познать всю истину мира, но если за тобой нет "десяти тысяч вооруженных людей", то ничего не произойдет. Если информация не замкнута на "контур управления", она остается пустым звуком.

Поэтому от "контуров управления" Сайберглоба трафикеров держали подальше. Сложная система сдерживаний и противовесов скрипела, временами сбоила, но работала не один десяток лет. О ней знали все серьезные игроки сцены. Вот рамки, вот пределы, за которые можно сделать пару шагов, а вот здесь уже минное поле.

Система сложилась не сразу. Когда все начиналось, некоторые трафикеры попытались обрасти активами и прямыми выходами на "контуры управления". Корпорации ответили "охотой за головами". Они пытались взять под полный контроль "мозги", чтобы получить превосходство в корпоративных войнах. Убийства и похищения, камеры с мягкими стенами и простые тюрьмы. Трафикеры ответили чередой обвалов на фондовых рынках Америки и Европы. Два десятка старых транснациональных шаек стали строчками в википедии. После пары раундов войны здравый смысл возобладал. И те и другие поняли, что трафикеры с миллиардными состояниями станут акулами, которые сожрут и старые корпорации, и менее жадных коллег по цеху. Поэтому "денежные мешки" перестали посягать на свободу воли "мутантов". Трафикеры в свою очередь не высовывались с громкими разоблачениями.

Впрочем, во второй половине двадцать первого века громкие сенсации стали невозможны. Для их пресечения совсем не обязательно было кого-то убивать. Хватало грамотной информационной контратаки. Серьезные игроки всегда готовили подобные вещи загодя. Иногда удар наносился превентивно – любая попытка выйти на люди с чьим-то грязным бельем обрекалась на неудачу из-за подмоченной репутации правдолюба.

***

От Площади к правительственному кварталу вела одна улица. Ее баррикады отличались большей высотой, а концентрация повстанцев была значительно выше, чем в любом другом месте. Все из-за того, что в пятидесяти метрах от баррикад стоял кордон «Кондоров».

Это спецподразделение осталось последней лояльной к Хозяину силой. Армия в стране годилась разве что для парадов. Полиция, состоявшая из бывших крестьян, не лезла в политику. К тому же половина служивших в ней принадлежала к «угнетенному большинству», так что в случае серьезных волнений карта могла лечь и по-другому. Руководство «Кондоров» подбиралось Хозяином самолично. Подразделения формировались из бойцов, надежных во

всех отношениях. Деньги им платили не только из казны, но и из специального фонда, который формировался членами партии власти.

Именно «Кондоры» стояли за жестким разгоном первой демонстрации и второй попыткой снести палаточный городок. Первый разгон был жесток. Некоторые перестарались, избивая в кровь людей, уже лежавших на земле. Так разгоняют тюремные бунты, а не мирные демонстрации. Чтобы убрать четыре сотни полусонных студентов с площади, хватило бы шлепков по мягким местам.

Второй раз досталось уже им. “Кондорам” дали команду не перебарщивать, но у повстанцев чесались руки. В дело шло все – и арматура, и старый-добрый «коктейль Молотова», и даже «желтая пыль», портившая суставы экзокостюмов. В той стычке счет раненым сравнялся, а пятеро «кондоров» попало в госпиталь с ожогами третьей степени.

Но оппозиционная пресса сделала из бойцов настоящих чудовищ, которые разве что детей не едят. На них выливались потоки грязи, правду мешали с ложью. В дело шли даже кадры разгонов демонстраций из сопредельных государств, где технологии усмирения и демократические институты, развивались дольше.

Нет, они не были ангелами. Да и что греха таить, на такой работе перегибы неизбежны, и всегда есть процент персон с деформированной психикой. Среди честных служак, которые «работают» в рамках устава, всегда найдутся те, кому лишний раз дать дубинкой по голове будет в радость. Впрочем, садисты встречаются даже среди учителей и врачей.

Но в черно-белом мире не бывает оттенков. Поэтому все они – или друзья, или враги. Третьего не дано. И вот они стоят по ту сторону линии фронта. Закованные в тяжелые экзокостюмы с усиленной моторикой, вооруженные дубинками, щитами и травматикой. Стоят здесь уже месяц. Им также холодно, как и повстанцам. Они тоже жгут дрова в железных бочках и расписывают стены домов лозунгами. Жратва в полевых кухнях не отличается разнообразием, да и к девкам ходить запрещают. Они тоже на взводе, и чем дальше, тем сильнее сжимается пружина.

Вчерашние одноклассники, соседи, друзья сейчас стоят по разные стороны баррикад. Повстанцы и люди в тяжелых экзоскелетах. В баррикадах нет смысла, если речь идет о физической защите. Тяжелая техника легко сломает эту кучу мусора. Технология давно отработана. Это знают спецы, это знают полевые командиры на Площади, об этом догадывается любой повстанец, мало-мальски смыслящий в строительстве. Баррикады для другого. Они делят мир на две части: свою территорию и чужую. Делят мир на своих и врагов. Без компромиссов и условностей. Это – первый шаг, необходимый в таких делах. Мир должен стать черно-белым. Враг должен быть видим. Или ты с нами, или против нас. Те, кто не определился со стороной – тоже враги, только пассивные, своим бездействием потакающие противнику.

***

Политика не была его коньком. Жесткие информационные войны, что сопровождались циничной манипуляцией массами, откровенной ложью, истерией пропаганды претили ему. Он не был святым, просто любил чистые данные, а в информационных войнах на почве лжи и полуправды плодились "параллельные реальности". Методы, старые как алфавит, в “век цифры” приобрели изощренные формы. Подделывалось все – тексты, фотографии, видео. Вычислительные "фермы" сутками клепали виртуальные "свидетельства" событий, которых никогда не происходило. Да что там, даже стрим-потоки реального времени научились искажать без потери качества изображения.

На простого гражданина выливались мутные потоки лжи. Над теорией заговора он подшучивал, но знал точно – практикам личной обработки "больших данных" в школах и университетах не учили. В этом состояла сознательная политика даже в государствах "первого"

мира. Профессионалы информационного поля в массовом сознании оставались маргиналами. Корпорации типа GK Inc. и Hyperdata в глазах обывателя были тоталитарными сектами, где над мозгами людей проводились богопротивные эксперименты. Трафик-трекеры, шиваиты и гейткиперские деми-личи чуть ли не открыто назывались мутантами. "Мутантов", это вполне устраивало. Миллиардные финансовые потоки стали бы скромнее, если бы клиенты научились шевелить мозгами.

В результате, несмотря на все технологии, средние обыватели остались на уровне их дедов. Они не способны прочитать больше одной страницы в минуту, не говоря уже о работе с "большими потоками". Им не под силу разобраться что к чему. Простой обыватель плевал на все, и, в конце концов, безропотно принимал одну из созданных картин мира. Выбирать из черно-белых штампов проще, чем постоянно искать настоящие смыслы.

Сейчас пропагандистские машины работали на полную. Провластные ресурсы поголовно называли протестующих "сбродом", "фашистами" и "преступниками". Оппозиционная пресса отвергала эту риторику, именуя их "цветом нации", "героями" и "революционерами". И то, и другое не соответствовало действительности на сто процентов.

Высокая женщина в горнолыжном комбинезоне и шлеме, выкрашенном в национальные цвета – владелица небольшой сети салонов красоты. Позавчера она продала одно заведение и отдала деньги на нужды протестующих. Она была на Площади во время второй попытки разгона и стояла в первых рядах вместе с мужчинами. До этого ее знали, как меценатку, бравшую под крыло способных детей из бедных семей.

Рядом с ней – профессор-лингвист из университета, в прошлом проректор. Его уволили за протесты против взяток, которые брал ректор вуза. Светило международного масштаба. Здесь он не только скандирует лозунги. Каждое утро в десять часов читает лекции по филологии для всех желающих, и они популярны настолько, что даже крестьяне из горных районов приходят послушать "вумного стардца". Они о чем-то горячо спорят, но на лицах улыбки.

А вот группа молодчиков в одинаковых зимних камуфляжах и белыми повязками с изображением руны. Боевики из "Белого клинка", а руна на повязках – "волчий клык". Неонацисты чистой пробы, не стесняющиеся кричать на каждом углу о “крестовом походе белой расы против недочеловеков".

Мимо них проходит сутулый пожилой человек с пластиковым мешком. Это "профессиональный революционер". В мирное время подрабатывал слепым на улице Резников, а сейчас таскается сюда и скандирует лозунги против власти. Точно знает расписание и меню местных поварих, время подвоза одежды, которую собирают горожане для революционеров. Он уже два раза сменил гардероб, но продолжает побираться на пунктах гуманитарной помощи. Момент надо ловить.

Взгляд трафикера скользит дальше и останавливается на трех мужчинах в военных касках старого образца. На касках – побитые временем цифры "151". Это ветераны 151-ой спецбригады, прошедшие через ад Южного фронта двадцать лет назад, когда страна еще состояла в Конфедерации. Здесь их около тысячи, и они пришли сюда защищать протестующих от "кондоров". Старые служаки, хорошо знающие, что такое настоящая война. Не придерживаются никаких политических взглядов. Они пришли сюда защищать. Что, впрочем, не мешает им обсуждать сейчас со студенческим "Кампусом" политические перспективы страны.

Ультраправые националистические боевики. Менеджеры среднего и высшего звена. Студенты и крестьяне. Мелкие торговцы с вещевого рынка и преподаватели университетов. Либералы из "Экономических реформ" и социалисты-фундаменталисты. Пенсионеры из «раньшего времени» и студенты-первокурсники. Писатели и бывшие чиновники. Ветераны прошлых войн и футбольные болельщики. Христиане, мусульмане, буддисты и атеисты.

Кого здесь только не было. Всех объединяло одно – ненависть к Хозяину. Патологический клептоман достал всех. Ради его свержения они согласны забыть разногласия и заключить

перемирие. Ради этого престарелые бабушки таскают сюда пирожки, а бизнесмены покупают защиту для боевых сотен. Ради этого они мерзнут на пронизывающем ветру и готовы драться с "кондорами". Ради этого рискуют угодить в руки полиции, которая ловит их за пределами Площади. Ради этого они готовы пойти до конца.

Проблема в том, что их вели те, кто уже не раз обманывал их.

***

Музыка замолкает. В центре сцены появляется "ведущий" – тот, кто время от времени объявляет очередного участника музыкального или политического шоу. На этот раз выступят "гранды" – тройка оппозиционных лидеров. Они только что вернулись с очередного "внеочередного" раунда переговоров с Хозяином. Трое поднимаются на сцену под сдержанные аплодисменты протестующих. Их здесь не особо жалуют. Все трое – лидеры партий, которые сейчас немного сбоку, но двое из них уже успели побывать наверху властной пирамиды, поэтому Хозяин пока говорит только с ними.

Начинает женщина. Несмотря на мороз, она без шапки, белые волосы собраны в тугой узел на затылке. Невысокая, но небольшой рост с лихвой компенсируется неуемной харизмой. Она прирожденный оратор. Говорить умеет обо всем и способна убедить толпу в любой ереси. О чем бы она ни вещала, финал ее выступления всегда один и тот же – толпа в восторге. Сейчас она на "разогреве". Значит, никаких штурмов и стычек в ближайшее время не будет. Ее задача – взбодрить людей перед главными новостями. Она справляется на отлично. Из милого ротика брызжут проклятия в адрес Хозяина и его "преступных министров". Она с упоением перечисляет факты, против которых не попрешь. Список длинный, но из него куда-то пропали ее персональные "подвиги" , в те времен, когда она была премьером, а Хозяин – министром энергетики. Все время проклинать нельзя, поэтому она переходит к восхвалению. Предметом восхищения становится "титульная нация", права которой несправедливо притесняет этническое меньшинство, стоящее у власти. Достоверные исторические факты перемешиваются с откровенным бредом и мифами, которые придумали современные историки "угнетаемого большинства". Она говорит на чистом "титульном" языке, и гул толпы становится все ритмичнее. Короткие дубинки в руках вздымаются вверх, толпа скандирует. Они любят ее, забывая, что она из провластного меньшинства и говорит на "титульном" только на камеры.

Люди разогреты. Вечер перестает быть томным. Место миниатюрной атомной бомбы занимает великан – лидер самой молодой партии, созданной этим летом. Лозунги партии также стандартны и невыразительны, как у других подобных “проектов". Правда, у других «партий одного сезона» нет такого лица. Борец-тяжеловес, пятикратный чемпион мира и трехкратный олимпийский чемпион в вольном стиле. Предмет восхищения всей страны. Холо-плакаты с его обнаженным торсом – непременный атрибут любой сувенирной лавки в столице. Спортсмен от бога, любящий отец трех детей и примерный муж. Идеальный мужчина. Идеальное "лицо" для любой партии. Только вот, суфлер, который подсказывает ему слова, настроен плохо. Говорит он медленно, сбивается, делает паузы. Руками пытается охватить невидимого противника. Немудрено, раньше было просто – захват, бросок, болевой прием. Сейчас тоже борьба, только политическая и физически дотянуться до противника нельзя. А ведь так хочется оказаться в привычных условиях. Может именно поэтому борец постоянно набивается к Хозяину на личную встречу.

На пятой минуте публика начинает скучать и мерзнуть. Спортсмена сменяет еще один политический вождь. Высокий, худой, лысый и в очках. Типичный клерк со стажем. Он в деле не первый год и выступать умеет. Главное, сегодня ему есть, что сказать. И он говорит, мастерски чеканя каждое слово.

Требования протестующих будут выполнены.

Кабинет министров – распущен.

Досрочные выборы в парламент состоятся через три месяца.

Судейская реформа.

Наказание виновных в первом разгроме на Площади.

Безоговорочная амнистия для тех, кто был схвачен полицией за месяц протестов.

Досрочные выборы президента в конце года.

Под конец его речи радость протестующих гулким ревом заливает площадь и окрестные кварталы.

Они смогли.

Они победили.

Они что-то изменили.

Они – сила.

Об этом вечере напишут в учебниках истории.

Впервые за пятнадцать лет простые люди заставили власть слушать себя. Они рады, и это искренне.

Площадь наполнялась энергией победы.

Трафикер оглядывается по сторонам, улыбается и поздравляет окружающих. Он обнимается с ними, кричит лозунги и медленно проталкивается к выходу за периметр.

Хозяин уступил. По всем ключевым пунктам. Вероятность того, что это произойдет, стремилась к нулю. Характер не тот. Его упрямство вошло в поговорку, но люди иногда делают неожиданные шаги и это как раз тот случай. Почему он так поступил – вопрос второй. Первый – в том, что сейчас будут делать Игроки. Нет, не эти на сцене. Они фигуры, степень свободы которых колеблется в коридоре возможностей, спроектированном в другом месте

В планы Игроков не входило то, что минуту назад прозвучало со сцены. В их схеме собравшиеся на Площади не были теми, кто что-то решает. Они – топливо, первая ступень ракеты, которая выведет партии троицы во власть. Сила, которая сметет Группу Хозяина и навсегда уберет упоротого клептомана с политической сцены. А троица станет проводником воли Игроков, воплощением их планов относительно этой страны.

Костер уже разгорался, но Хозяин сделал неожиданный и шаг и прозвучавшее сегодня стало струей из брандспойта. Показательная порка командиров "Кондора" и кабинета Министров позволит ему отвести гнев от себя. Три месяца до выборов в парламент -даст возможность перегруппироваться, договорится или нейтрализовать оппонентов и сохранить фракцию в парламенте. Девять месяцев до выборов президента – вывести капитал на Север и попытаться выиграть выборы. Троица получит свой кусок пирога. На покореженной Площади надо положить асфальт, вместо брусчатки, чтобы нечего было выковыривать в следующий раз.

Именно этого меньше всего хотелось Игрокам. По задуманной схеме толпа на Площади должна мерзнуть еще пару недель. А потом нечто взорвет ее. Игроки щупали ситуацию два раза, но завести двигатель не удалось. Поэтому сейчас они будут действовать всерьез, наверняка. Поэтому завтра здесь будет кровь. Много крови. Для некоторых радующихся людей на Площади завтрашний день станет последним.

Он думал, у него есть как минимум три дня. Окно возможностей сузилось. Утром здесь будет горячо. При этом ему нужно еще время, хотя бы до завтрашнего вечера. Вне зависимости от того, что придумали Игроки.

Он должен понять, какую волынь закрутят здесь завтра утром.

***

Информация. Поток электричества, единиц и нулей, текущий по кабелям и радиоволнам. За отображение этих потоков в Сайберглобе отвечает специальная "плоскость", которую

называют "картой потоков". Обычные пользователи создают едва различимые точки, к которым с разных сторон тянутся нити входящих и исходящих потоков информации. Корпоративные мейнфреймы среднего класса производят относительно небольшие воронки. "Платформенные" искины закручивают "мальстримы" и "циклоны". Такие же мальстримы способен закрутить и трафик-трекер. Конечно, за "информационным климатом" "карты потоков" следят. Любая аномалия берется на отработку аналитиками, которые способны определить причину ее возникновения. Это называется контр-трекингом. Но, как говорили во времена теперь уже давние, на любой хитрый болт найдется свой хитрый гаечный ключ. Маскировка – отдельное искусство, и трафикер им владел в совершенстве.

На создание полноценной маскировки времени не было. Сейчас оставалось только одно – войти в тень постоянных мальстримов большой плотности. Обычно такой областью являлся деловой центр города, где постоянно бушевали настоящие информационные катаклизмы – тысячи воронок средней величины и десятки мальстримов. Такие зоны мониторились медленно. На один такт проверки уходило минут десять-пятнадцать. Кроме того, сейчас большая часть мальстримов вызвана обработкой последней новости с Площади. Часть его потоков потечет из тех же источников. В общем, полчаса у него есть. За это время реально закачать нужный объем информации и отключиться от сети.

Он выбрался за периметр. Толпа уже бушевала за пределами баррикад.

Трафикер ныряет в ближайший переход, ведущий к станции подземки.

***

Час пик прошел и вагон метро почти пуст.

Немолодая пара напротив обсуждает поездку к детям в другой город. Парень в просторной куртке и меховой шапке сжимает в руках лямки объемного рюкзака. Он беспокойно оглядывается по сторонам, стараясь не пропустить объявления с названиями станций. Иногородний. Приехал на заработки. Усталый клерк все время трет глаза, и ему не нравится этот парень. Клерк отходит и садится на свободное место. Девчушка к косой ярко-зеленого цвета мучает игровую приставку, остервенело нажимая на кнопки.

Трафикер тоже «давит кнопки». На экране его «ладошки» мелькают кубики со странными символами. Они складываются в цепи и кубы, исчезают и появляются вновь. Со стороны это выглядит, как игра-головоломка. Отчасти это правда. «Сайскрит» или «кибернетический санскрит» – сам по себе головоломка для тех, кто продолжает пользоваться примитивными линейными алфавитами. Слова и предложения из него содержат на два-три порядка больше информации, чем обычные тексты такой же длины. Это модифицированная версия «джимала», языка, на котором работает Кибернетический Глобус. Сейчас он пишет на нем запросы по базам данных Глобуса, что через полчаса запустят на него нужный поток данных.

Запросы на тысячи новостных сайтов и кластеров, ресурсы по геополитике, экономике и социологии, военной аналитике, форумы действующих экспертов-политтехнологов, отставников, скучающих на пенсии и оттого сочиняющих прогнозы на перспективу, демографические данные этой страны за последние несколько лет и видеоряды камер общего пользования города, "серые" данные по поставкам оружия, досье на весь спектр значимых политических фигур, боевиков-радикалов, бизнесменов и мафиози, анализ активности информационных и пиар-групп, товарные потоки в районе Площади и многое другое. Все, что поможет выстроить стратегическую картинку и сформировать горизонт событий ближайших часов.

***

Деловой центр размещался в юго-западном секторе города, около реки. Когда-то здесь была промзона, но лет десять назад ее перепланировали и окультурили. Старые цеха превратили в торговые центры и офисы для небогатых фирм. В центре отстроили комплекс из десяти небоскребов, который местные прозвали «Гималаями». Именно здесь размещались штаб-квартиры международных компаний и крупных фирм национального уровня. Этот район, включенный в орбиту глобальной экономики, никогда не спал.

Трафикер активировал «стекла», и реальность дополнилась «картой потоков». Он взял курс на «Южную башню». «Карта» показывала четыре десятка «мальстримов» и еще пару сотен воронок поменьше.

Первые три этажа «Южной башни" под завязку забиты торгово-развлекательными заведениями. Он ищет кафе по проще, где официантами работают живые люди, а не вечно улыбающиеся «каркасы», которые к тому же пишут на камеры всех посетителей.

Он нашел место у окна, выходившего на заснеженную площадь, заказал кофе и три кекса с изюмом. Глядя на пустеющий сонный город, трафикер достал смартфон и «трамонтану».

***

«Что ты видишь?», – спросил его Ацтек перед первым тренингом, – «Падающий снег». «Ты видишь, как несколько миллиардов кристаллов льда, принесенных холодным фронтом с Балтики, падают на небольшой участок, что входит в состав территории примерно в две тысячи квадратных километров. По пути циклон проходил через несколько промышленных зон, поэтому в кристаллах есть оксиды, но концентрация не превышает норму. Если тебе удастся закончить обучение, ты будешь одновременно вычислять траектории примерно четырех тысяч снежинок и определять вероятные места их падения с точностью до квадратного сантиметра. Тебе не страшно?» – «Нет, а должно быть?» – «Через два месяца ты будешь смотреть на этот мир другими глазами. Ты не будешь видеть снег. Ты будешь видеть кристаллы льда и вычислять вероятности».

Ацтек шутил. Поначалу, да, он вычислял все, что видел вокруг. Спустя несколько месяцев, научился контролировать субличности. И когда хотел видеть снег, видел снег. А когда надо было работать – работал.

Обычно он использовал полное нейроподключение к мозгу. Но в нынешней ситуации это было невозможно, да и опасно. Единственная альтернатива – визуальный поток данных на "стекла", очки "наложенной реальности". Способ дедовский, но действенный. Из-за высокой плотности данных каждый образ задерживался на экране десятые доли секунды. Нечто вроде скорочтения, только на три-четыре порядка быстрее. Обычные "ладошки" с такими потоками не справлялись. Поэтому придумали "трамонтану", устройство, расширявшее как вычислительные мощности карманного компьютера, так и пропускную способность внешнего канала.

Макрос запущен, "трамонтана" мигает холодным индикатором.

Время вычислять траектории снежинок.

***

Трафикер вышел из метро за одну остановку до Площади. После сеанса и поездки в плохо проветриваемом вагоне слегка ныла голова, хотелось пройтись.

Главная улица плавно изгибается между невысокими фасадами домов Старого Города. Первые этажи и полуподвалы заняты кафе, бутиками и туристическими агентствами. Попадаются антикварные и букинистические лавки. Обочина забита машинами, даже сейчас найти свободное место не просто. Улица ярко освещается фонарями и огнями проезжающих автомобилей. Чем ближе к центру, тем чаще улица ветвится узкими переулками. В воздухе пахнет

ванилью. Значит, он идет правильно – запах говорит о близости старого кафе, которое считалось знаковым местом в центре.

За пределами Площади жизнь не изменилась. Люди ходят в магазины, ездят на машинах, едят пирожные в закусочных, говорят о том же, о чем говорили три месяца назад. Они делали это даже тогда, когда на Площади целые сутки бились "Кондоры" и повстанцы. Скоро все изменится. Площадь – это небольшой, еще не разгоревшийся костер, предвестник пожара, который будет полыхать по всей стране через несколько недель.

Он шел по улице Старого Квартала, и смотрел на мертвые дома. За темными провалами окон угадывалась пустота. Там не было лестничных пролетов и перекрытий, только временные стальные опоры, что не давали зданию рухнуть окончательно.

Тоже случается и с государствами. Фасад из парламента, судов, армии, полиции, лозунгов и исторических традиций вроде бы есть. Но за ним – рухнувшие перекрытия и лестничные пролеты. Жить в таком доме нельзя.

Двадцать лет назад было иначе. Тогда это была одна из сильнейших стран региона. Не слишком большая, но самодостаточная. С ее силой считались. Но после ухода правящей династии и объявления нового "демократического курса" стране сильно не везло на президентов и "новых хозяев" жизни. Из дома вынесли все, что можно было унести. Даже лестничные пролеты. Полиция превратилась в мафиозную группировку, армия занималась парадами и концертами, а в министерствах и судах все решалось в пользу того, кто быстрее и больше «занес». Тенденции к полному разрушению просматривались еще семь-восемь лет назад. Именно тогда на страну обратили внимание Игроки.

Вернее, они всегда и на все обращали внимание, но в тот момент начали действовать. Один Игрок решил сделать ставку на "титульную нацию", второй – на правящее меньшинство. Шестьдесят миллионов человек оказались под перекрестным огнем пропаганды. Это был первый этап войны. Именно тогда мир начал лишаться красок, превращаться в черно-белое кино. Каша заваривалась все гуще и гуще. Игроки втянули в орбиту местные деловые круги. За ними подтянулись партии и радикальные группировки. За ними – те, кто в политику никогда не верил. С каждым днем воронка разрасталась, затягивая все больше и больше людей.

Последний раунд войны был самым коротким. При поддержке Игрока партия правящего меньшинства осталась у власти. Хозяин и его Группа, отпраздновав "взятие столицы" чередой буйных оргий, стали брать не только то, что плохо лежит, а уже и то, что просто нравится.

Тогда другой Игрок пошел ва-банк. Решил действовать более жестко. Внешне все выглядело, как поддержка оппозиции и проталкивание ее во власть. Но это лишь прикрытие. Трафикер тоже поначалу в него верил. Но страна, обескровленная двадцатью годами непрерывного воровства, не была нужна Игроку. Оппозиция, придя к власти, продолжит делать то же, что и предшественники. Эти марионетки не нужны Игроку. Ему необходима территория, все еще богатая на ресурсы и представляющая плацдарм для наступления на северного соседа, а остатки государства должна смести гражданская война. И потом, когда не останется никого, кто может сопротивляться, Игрок придет сюда спасителем и остановит хаос.

Старая технология, прописанная еще в середине прошлого века. Вызвать волну протестов в обществе. Собрать как можно больше людей в одном месте. Раскалить обстановку до предела. Убить несколько человек, чтобы все выглядело, как дело рук власти. Взрыв народного гнева начнет цепную реакцию по всей стране. Дальше останется только подливать масла в огонь. Пьеса была разыграна не раз и не два, но, несмотря на это, ее продолжали с успехом разыгрывать снова и снова.

Субличности выбрасывали в "основное" сознание все больше подробностей. К тому моменту, когда впереди замаячили баррикады, Он уже отчетливо видел череду событий на следующие несколько часов.

***

Площадь никогда не спит. Костры не тухнут, биогенераторы гудят, а в огромных котлах круглые сутки варят похлебку и кофе, пекут картошку и мясо.

Кофе в высокий пластмассовый стакан ему наливает розовощекая улыбающаяся женщина средних лет. Он улыбается в ответ и осторожно берет стакан. Потягивая обжигающую густую жидкость, трафикер заедает ее хрустящим печеньем и медленно идет к южной части Площади.

Несколько законсервированных групп Игрока находились на Площади с самого начала протестов. Время активизации – час пик, когда взрослое население поедет на работу и, чтобы убить время, будет слушать и смотреть утренние новости. Зона конфликта – "граница" между "Кондорами" и баррикадами. Повод для конфликта – "изнасилование" активистки "кондорами". Возмущенные повстанцы, подогреваемые провокаторами, начнут свалку с "кондорами", в ход пойдут коктейли, газ и травматика. Пик драки придется на время встречи Хозяина и оппозиции. Скандал, взаимные обвинения в провокациях, срыв переговоров. Если конфликт пойдет на спад, за дело возьмутся снайперы. После этого "точка невозврата" будет пройдена.

Группа протестующих образовала круг, в котором лихо отплясывают несколько человек. Она стоит в кругу. Хрупкая блондинка в цветной вязаной шапке и таком же шарфе. Она здесь своя, хотя никто из новых друзей не знает, кто она на самом деле. Таких хрупких и маленьких, с большими голубыми глазами, хочется защитить и обогреть, а не "пробивать" по сети. Трафикер находит мусорный бак, выбрасывает стакан с остатками кофе. Сняв перчатку, отбивает постинг в несколько соцсетей, а потом направляет руководителю "Воинов Шира" личное сообщение с полным досье на миловидную барышню.

Через двадцать минут к танцующим подходят два крепких парня в балаклавах. Что-то говорят блондинке. Она кокетливо улыбается и уходит с ними. Разбираться с ней будут до утра, так что этот план Игрока уже не сработает. Но как всегда, есть несколько запасных.

Ночь будет длинной.

Надо взять еще кофе.

***

Ночь прошла быстро. Время всегда идет быстро, когда занят делом. И особенно быстро, когда спешишь. Ему удалось нейтрализовать еще две группы провокаторов, и сейчас Игрок пересматривает оперативные планы. Трафикер отодвинул горизонт событий почти на десять часов и вышел за флажки. Его уже взяли на отработку, хотя в этом был свой плюс. Они захотят узнать его мотивы. И когда поймут в чем дело, беглянка может оказаться в зоне видимости.

Конечно, если она не увязла в более сложной игре, либо случилось то, что случается с молодыми людьми – непредсказуемый, иррациональный поступок. Всегда есть что-то не просчитываемое.

***

Однажды Тумос пригласил его во внутренний сад, занимавший половину одиннадцатого этажа штаб-квартиры центрального консорциума GK. Обычно там проводили неформальные совещания и отдыхали в обеденный перерыв. Среди небольших групп сотрудников, которые сидели на лавках или на траве, выделялся человек. Он медленно шел по саду, все время останавливаясь и опасливо оглядываясь по сторонам. Подойдя к пустующей лавке, он минуты две осматривал ее и только потом сел. Сначала на край, потом осторожно подвинулся и оперся на спинку.

"Кого ты видишь?" – спросил Тумос. "Человека, который чего-то боится. Только чего здесь бояться?"

"Он пребывает одновременно в трех десятках вероятных реальностей с горизонтом событий более двадцати лет. В некоторых реальностях скамейка выкрашена, в других – она ветхая настолько, что может развалиться, в-третьих – на ней сидят люди" – "Что с ним случилось?" – "Маски, субличности, вышли из-под контроля. Просчитываемые реальности становятся галлюцинациями. Это – проклятие трафик-трекера" – "Это излечимо?" – "В принципе да, но ему нравится его состояние".

Надвигается утро, перед глазами пролетают возможные реальности. Движения людей и машин комичны – они не естественно стремительны и суетливы. Пока все говорит о том, что горизонт отодвинулся. Он старался не смотреть, что там дальше, за чертой семи часов вечера, но в один из "прогонов" спустил субличность с поводка.

…На месте северной части палаточного городка пепелище, догорают кучи покрышек. Два из семи зданий вокруг Площади охвачены огнем. Клубы черного дыма взмывают в темноту, а воздух разрывается криками и выстрелами. "Линия фронта" пролегает где-то там, посередине Площади. С близлежащих улиц на подмогу к протестующим спешат горожане. Со стороны правительственного квартала двигается колонна бронетехники и резервные отряды "кондоров". Кровь уже пролилась, обе стороны несут потери, и взаимная ненависть разгорается с каждой минутой…

Еще и еще раз он просматривает будущее. Одно и тоже, различаются только детали.

Трафикер возвращается в реальность. Кто-то задевает его плечом. Он поворачивает голову. Незнакомец едва уловимым движением глаз предлагает ему следовать за ним. Он ведет трафик-трекера к южным баррикадам.

Да, он подошел близко к флажкам.

Они знают, кто он и почему пришел сюда.

И как избавиться от него теперь тоже знают.

У зеленой палатки стоят парень и девушка. На парне видавшая виды военная куртка с сорванными знаками различия. Они о чем-то говорят, и разговор не слишком приятный. Трафикер останавливается в двадцати шагах, снимает очки и трет глаза. Бессонная ночь дает о себе знать. Девушка замечает его. Она порывисто обнимает парня. Ее большие зеленые глаза наполняются слезами. Девушка продолжает смотреть на трафикера, и слезы капают на жесткую ткань куртки. Ее взгляд говорит о том, что она хочет остаться.

"Да?"

Трафикер одевает очки и качает головой. Он достает из кармана "ладошку" и делает снимок.

"Нет".

Через полчаса здесь будет ее семья. Отец, два старших брата и мать. Они найдут нужные слова.

Она прячет лицо и еще крепче прижимает к себе парня.

Пора уходить. Вход на "красную" ветку метро в паре сотен метров отсюда. В гостинице его никто не ждет, и в сумке, что осталась в номере, нет ничего ценного. В крайнем случае, пришлют почтой.

Он идет через гудящую толпу, навстречу потоку радостных людей. Скоро, очень скоро Площадь наполнится до краев. А вечером начнется бойня. Первая.

Могло ли быть иначе?

Трафикер останавливается, поворачивается и смотрит на людей, которые идут к Площади.

Да.

Оппозиционную троицу надо закидать тухлыми яйцами, когда они вылезут на сцену в следующий раз.

Они – прошлое. Гнилое, лживое и лицемерное.

Площадь должна найти своих лидеров. Площадь должна возникнуть в каждом городе, в каждом селе и поселке. Она должна стать той силой, которая выдавит из парламента и чиновничьих кабинетов старое и заменит новыми людьми. Она должна стать силой, которая объединит в себе как "титульную нацию", так и "меньшинство".

Это будет трудная и долгая борьба. Борьба не без кулаков, но прежде всего – борьба за души и головы. Может, новые лидеры проиграют грядущие выборы, но наверняка выиграют следующие, если будут достаточно настойчивы. Хозяин не диктатор, как его клеймят подконтрольные Игрокам журналисты. Он всего лишь вор, который боится потерять награбленное. Его можно свалить, убрать верхушку, но для полной смены необходимы те, кто заменит среднее и низшее звено. А для этого нужно время, сильная воля и терпение. И не только боевики, но и "канцелярские" сотни, которые выигрывают интеллектуальные битвы.

Но этого не случится. Не сейчас. Сейчас эти люди танцуют на Площади, радуясь победе. Они не знают, что ситуация идет к точке, после которой возврата не будет. Им предстоит пройти не менее долгий, но кровавый путь. Тысячи смертей, десятки тысяч покалеченных, сотни тысяч, чья судьба будет размолота жерновами истории.

***

– …Вы могли стать между ними и развести их в стороны! Я знаю, вы могли! Почему вы этого не сделали?

– Потому-что кукловод остается кукловодом, какими бы благими не были его намерения. Они должны научиться думать своей головой. Перестать выбирать из того, что предлагает кто-то другой.

– Что ты имеешь в виду?

– Если кто-то спрашивает "да?" или "нет?", всегда нужно помнить, что есть третий ответ.

– Какой?

– “Пошел к черту”.

– Болтовня! Вы могли бы спасти тысячи жизней!

– Это их плата за годы молчания, ненужного терпения, нежелания думать головой и надежды на доброго хозяина, который все сделает за них. Им придется пройти через это. Дальше будет война, будут смерти и поломанные жизни, разрушенные города и села.

– Как долго это продлится?

– До тех пор пока среди них не найдутся те, кто сможет сказать “пошли к черту” тем, кто манипулирует и создаст свои смыслы. И в конечном итоге станет между дерущимися, разведя их в стороны…

Киев, 2014

Медный Гвоздь

Он хотел подремать еще пару часов, но сквозняк из плохо прикрытого окна вытащил его из-под одеяла. Петр присел на кровати, покачал головой, оглядывая комнату мотеля. Рядом на столике лежал кожаный органайзер с документами, деньгами и кредитками, связка ключей и карта от комнаты с большим красивым брелоком в виде бочонка пива. Надев джинсы и черную футболку, Петр босиком протопал в ванную. Одноразовая зубная щетка, пакет с таким же разовым туалетным набором, выглаженное белое полотенце. Он открыл кран с холодной водой.

За окном, в сырых утренних сумерках, северный ветер раскачивал старый сосновый лес.

Вчерашним вечером ветер приволок ливень. Сегодня небо было чисто, но холодные порывы принесли слабый запах гари. В двадцати километрах отсюда горели леса.

На стоянке, кроме его супервана, были припаркованы два спортивных Mitsubishi. Молодая пара голландцев приехала в этот придорожный кемп на несколько минут позже него. Пока старик-хозяин в зеленом комбинезоне прокатывал платиновый Master-Card и записывал его в гостиничный лист, они целовались чуть поодаль, держа в руках раскрашенные граффити шлемы. Петр подошел к своему "ирокезу" и оглядел борт. Вчера он думал срезать полкилометра и выехал на не обозначенную нигде грунтовку. Борт был заляпан грязью до дверной ручки. Тумбообразный дроид-механик сиротливо стоял у закрытой двери в гараж. Порыв ветра полоснул по лицу придорожной пылью. Петр провел пальцем по грязному борту и открыл дверь.

Ключ от комнаты с брелоком в виде пивного бочонка он оставил висеть на стальном замке стоянки.

Трехосный "ирокез" покатил в сторону выезда на трассу.

– Восемь один здесь, повторяю, восемь один здесь… Девятый корд здесь… Восемь один, восемь один… Ответьте…

– Восемь один здесь, Марк, ты уже не спишь?

– Я еще не сплю. Петя, в офисе сказали, что ты выкатываешься.

– Correcto mundo, ка-девять…

– Тогда, когда ты снимешь свой рефлект из вахтового реестра?

– Я думал, ты еще спишь, ка-девять. В соответствии с процедурой, в полдень…

– Lucky fucker…

– Стив, это ты?

– Четыре три… Не есть хорошо, Петр, вахта заканчивается, ящик пива не ставить, водка не ставить…

– Сорок третий, что у тебя с переводчиком?

– Я сам переводчик…

– Ты сам не переводчик, ты дятел. Включи переводчик…

– Ка-девять, Марк, что это было?

– Ребята, хватит трепаться в эфире. Петр, я вычеркиваю тебя сейчас, у меня перегон был ночной, я поспать хочу…

– Добро, Марк…

– Нет, недобро…

– Четыре три, чего тебе надо?

– Carlsberg ему нужен, десять один здесь…

– О-о-о… нашего полку прибыло.

– Восемь один, давай координаты.

– Десять один, это ты, Леша, ты сейчас где?

– Посмотри на монитор, восемь один, дистанция двадцать, иду параллельно.

– Где планируешь быть вечером?

– Ка-девять здесь, Петя, мы договорились. Ка-девять, конец связи…

– Алексей, я хотел бы…

– Eight one is here. Who gives a shit what you wanted?

***

Одиноко торчавшие дорожные знаки были похожи на пугала посреди незасеянного поля. Месяца через два-три здесь будет жарче, к побережью потянутся семейные трейлеры, серферы, туристические автобусы. Пока же двухполосная трасса была пустынна.

На девушке был длинный кожаный плащ, черный пуловер, темно-синие джинсы и сапоги на широких каблуках. "Копыта", ретро опять входит в моду. Обычного в этих случаях плаката в руках, на котором толстым фломастером небрежно писали следующую станцию назначения, не было. Девушка просто стояла на обочине, вытянув правую руку.

Когда Петр притормаживал, он думал, что берет на борт студентку лет двадцати двух – двадцати трех. Когда она села машину, стало ясно, что ей еще нет двадцати. Агрессивный кожаный прикид и большая дорожная сумка с одной лямкой прибавляли ей лет пять-шесть. Рыжие волосы, темно-бордовые губы, очень бледное лицо, не подведенные голубые глаза. Уши были густо увешаны стальными кольцами, но этот плотный пирсинг был еще и маскировкой – по крайней мере три из более чем десятка колец были выходами имплантированных в мозг нейроадаптеров. Пока девушка взбиралась на кожаное сиденье, Петр отключил Motorol'у.

– Фленсбург?

Он молча кивнул.

Девушка вытащила из кармана скомканную купюру в пятьдесят евро и кинула на бардачок. Не спрашивая разрешения, сняла плащ и бросила на заднее сиденье. Затем, порывшись в необъятных размеров мешке, извлекла отделанный по бокам темно-зеленым нефритом лэптоп. Почти антиквариат. Одна из первых моделей Гуччи, символ вторжения высокой моды в сферу компьютерного дизайна. Эта форма меняла кремниевое содержание раз шесть, не меньше, но ее стоимость со временем только увеличивалась. Новые "камни" и новые "мозги" все в той же элегантной упаковке.

У нее были "стекла" "Премиум-IV". Она вытащила их из небольшого черного кожаного футляра вместе с тонкими шнурами тродов. Чилийская медь в шелковой обертке, покрытой тонкой вышивкой. Последний писк моды – для тех, кто сутками не вылезает из рефлектов кафе в кластерах Шельфа. Четыре сотни, не меньше. Троды нашли свое место в разъемах среди колец на ушах, она резко откинулась на сиденье. Экран компьютера не погас, исчез только звук, а ее отрывистые реплики звучали слишком резко. Это была какая-то жуткая смесь немецкого и английского технического жаргона. Она говорила громко и, когда переходила на русский, казалось, командовала кем-то по ту сторону монитора. Петр сделал музыку громче.

Минут через десять она стянула с глаз "стекла" и погасила экран.

Петр обернулся и спросил:

– Как тебя зовут?

– Анна.

– А меня Петр. К кому едешь, Анна?

Девушка смотрела в окно. Кажется, вопросы интересовали ее не больше, чем номер промчавшегося мимо белого "крюкаба". Со знакомством не получалось. Петр выдержал паузу, после чего деликатно кашлянул. Ноль внимания. "Н-да…" Он щелкнул переключателем и крепче ухватился за руль.

Из динамика вибрировали цеппы.

Она вытащила трод из уха и повернулась в его сторону:

– Извини, ты что-то спросил?

– Ты едешь во Фленсбург, город небольшой, но заблудиться можно. Я мог бы подбросить…

– Пока не знаю, может быть. – Она продолжала о чем-то думать. – Что играет?

– Led Zeppelin.

– Что это такое?

– Белый блюз, начало семидесятых.

– Старье какое. Никогда раньше их не слушала.

Не отрывая взгляд от дороги, Петр наклонил голову. Он хотел что-то сказать, но ее лэптоп снова запищал.

На экране появилась физиономия парня в очках, который громко поприветствовал ее на русском. Девушка помахала ему рукой и сделала какой-то знак, понятный им обойм. Парень кивнул в ответ, и они, не отключая видеорежима, перешли в чат.

Петр бросил взгляд на монитор. Беспорядочная шевелюра, глубоко посаженные карие глаза, двухдневная щетина на подбородке… У него была хорошая память на лица, и это лицо он узнал сразу.

***

Паром отчаливал, заворачивая по длинной дуге в сторону востока. Многоэтажная стальная конструкция оставляла за собой след взбаламученной воды, сотни мелких водоворотов и белую пену.

– У меня есть для вас работа, Питер.

Петра забавляла эта привычка Брахмана. Датчанин неплохо говорил по-русски. Настолько неплохо, что его акцент казался скорее особенностью личного произношения. Но подчеркнутое произнесение славянских имен на западный лад ставило все на свои места. И это вечное "вы", даже с теми, кого он знал не один год.

Они стояли на корме парома, потягивая баночный Tyborg. На Брахмане было дорогое алеминовое пальто, последний писк деловой европейской моды, и темно-красный шарф. Бриз сдувал с него запах Shico, запах, по которому в офисных джунглях Гамбурга и Франкфурта суетливые подчиненные искали топ-менеджеров. Через пару часов старый лис сменит обличье. А пока он выглядел как жрец, вернувшийся с богослужения с тарелкой, полной пожертвований.

Солнце шло к закату. Петр не спрашивал Брахмана о деле. Хайкорд обычно размякал после четвертой банки, торопить его не стоило. Он не любил спешки. Всему свое время.

Чуть позже они спустились на грузовую палубу.

Брахман открыл бардачок своего супервана и вынул три диска в одинаковых пластиковых коробках.

– Личные данные. Внешность. Психологический портрет, карта эволюции сознания, биография, семейный фотоальбом, любимые места в родном городе, история болезни, отзывы друзей, учителей и родителей и так далее. – Он взял следующий диск. – Электрическая история. Апартаменты в Сайберглобе, любимые кластеры Шельфа и Области, личный рефлект, архив переписки. Дневник. Бот-гид в Сайберглобе. Разработки для Fiakom Inc, Jutell, Hauro Corp. Несколько статей в специализированных изданиях. – Он отложил второй диск в сторону. – Дайс. Питер, вы работали с плотностью больше пятисот плоскостей?

– Да.

– Сколько внутренних двигателей?

– До тридцати.

– Хорошо. Если будут проблемы со слепком, свяжитесь с Николавским. Работа должна быть сделана через месяц.

– Не слишком много времени.

– Питер, ее нужно сделать. Это срочная работа.

Петр вскрыл конверт и вытащил несколько фотографий. Беспорядочная шевелюра, глубоко посаженные карие глаза, двухдневная щетина на подбородке.

***

На горизонте замаячил автоматический заправочный комплекс и нечто, напоминающее кафе. В животе заурчало – он уехал из кемпа, не позавтракав.

– Ты не хочешь перекусить?

– М-м-м… – Она жевала шоколад, не отрываясь от компьютера. – Если будут пироги с яблоками – возьми пару.

– Добро.

Он захлопнул дверь и нажал кнопку на брелоке, включавшем блокиратор двигателя.

Сервисный болван-заправщик подкатил к "ирокезу". Петр прокатал кредитку по верхней панели, дал команду на полный бак.

В кафе было пусто, девушка у стойки смотрела утренние новости CNN.

– Два бургера, большая картошка, стакан спрайта и кофе без сахара.

Официантка, улыбнувшись, пошла выполнять заказ. Петр сел за столик. Переливы звонка мобильного телефона оторвали его от изучения пейзажа за окном.

– Петя?

– Привет, Вацлав.

– Петя, это ты или кто-то шалит с рефлектом твоего "ирокеза"?

– О чем ты?

– Что она делает в твоей машине?

– Рыжее каре, гайки в ушах, русский со слабым американским акцентом. Так это она, я не ошибся?

– Петя, кончай шутить, что она делает в твоей машине?

– Ей нужно во Фленсбург.

– Ты что, опять вошел в игру?

– Нет, она тормознула меня на трассе.

– Не понял, вы что, договорились о встрече?

– Нет, она стояла на обочине и махала рукой, откуда я знал, кто она такая?

– Ты хочешь сказать, что просто случайно подцепил ее на трассе?

– Так и есть.

– Матка бозка…

– А что, возникла проблема?

– Она опять выбралась из-под колпака.

– Она делает это каждый месяц.

– Через полмесяца ей будет восемнадцать. Где она шлялась всю последнюю неделю, пока непонятно. В кластерах Карелина творится черт знает что. И тут она выходит на связь из твоей машины. Я думал, преторы что-то переиграли без меня. Так ты говоришь, это случайность?

– Да. Весело, правда?

– Пока наши орнитологи не вычислят ее маршрут, мне весело не будет.

– В чем дело?

– Я уже сказал – через две недели ей исполняется восемнадцать. Сам понимаешь… Фленсбург?

– Это три часа чистого времени. Я думаю, ей не исполнится восемнадцать за это время.

Официантка принесла завтрак.

– Петя, на всякий случай – держи микрофон в ухе. Птичку контролируют Фидлер и Крюг. Ребята будут время от времени выходить на связь, так что не дергайся.

– Лады, Вацлав.

– Слушай, а чего ты вообще взял ее на борт? Hombat'у это не понравится.

– Я схожу с Магистрали.

– Oh, lucky you…

– И потом я не понимаю, чего ты волнуешься.

– Ну, возможны любые последствия…

– Да? После всего того, что мы сделали, по-моему, уже мало чего возможно.

– Ты всегда был оптимистом…

– Не всегда и не оптимистом.

– Ладно. Но если что…

– Если что, то отвечать буду я. Вопрос снят?

– Хорошо. – Голос Вацлава прозвучал слегка утомленно. – Пятый претор, конец связи.

Петр добил завтрак и вышел из кафетерия. Его попутчица по-прежнему была углублена в общение с кем-то по ту сторону активной матрицы.

– Клерк, это Фидлер. Heaven Control Group. Подробного брифинга не будет, но кое-что тебе знать следует. Последние шесть месяцев мисс Мортон очень активно общалась с хакерским кланом [Module9]. Практически сразу же после того, как она исчезла из поля зрения, начались атаки на кластеры Karelin & Son в Европе. Коммуникационные отделы, полное отключение. Работа чистая и быстрая. Сейчас мы контролируем ее исходящие. Она по-прежнему считает главной целью Карелина-младшего. Но все равно поводов расслабляться пока еще нет. От юной мисс можно ждать любых осложнений.

***

Она лгала. Ее звали не Анна. Ее звали Эрика Мортон. Дочь Владимира Карелина и Кристины Мортон, американки шведского происхождения. Русский лесоторговец был из тех, кто сделал себе состояние в начале девяностых и сумел пробиться в высшую лигу мирового бизнеса. К моменту встречи с Кристиной он, уже гражданин Соединенных Штатов, владел приличным состоянием, бизнес его шел в гору. Брак по любви подарил ему трех дочерей: Энджел, Маргарет и Эрику. Девочки были очень разные. Не останавливающаяся ни на минуту Эрика и углубленная в себя Маргарет часто ссорились, пока были маленькие. Но когда появлялась старшая, Энджел, в детской воцарялся мир – она со всеми умела находить общий язык. Врожденная коммуникабельность плюс доброжелательность делали ее почти миротворцем.

Работать Энджел начала рано. Карелин-старший, купивший диплом уже после того, как заработал первый миллион, считал пять лет на стационаре "глупством и дуракаваляниem" и приветствовал совмещение образования и "настоящего дела". Карьера ее развивалась более чем успешно. За полтора года она проскочила несколько степеней в иерархии одной из отцовских фирм и заняла одну из ключевых позиций в отделе контрактов. В ее ведении были договора с юго-восточными партнерами, где такт и умение вести себя подобающим образом играли едва ли не главную роль. Она умела "улаживать дела". Еще Энджел неплохо рисовала акварелью, каталась на горных лыжах и вела активную переписку с тремя десятками друзей по всему миру, причем с большинством из них она познакомилась во время рейдов по "разговорным" кластерам Си-Джея.

Она погибла, когда Эрике было пятнадцать. На трассе Марсель – Париж случилась одна из крупнейших в том году автомобильных катастроф. Рейсовый пассажирский автобус столкнулся с дальнобойным траком, шедшим по встречной полосе. В течение двадцати минут мчавшиеся за ними машины, сминая капоты и багажники друг друга, сжимались в гармошку из железа и пластика. Ее спортивный "мерседес" был одним из первых в этой мясорубке.

Для Эрики это было концом детства.

Петр читал ее досье. От отца девушка унаследовала аналитический ум, темперамент и склонность к авантюрам. От матери – упорство в достижении целей и длинные светлые волосы. После смерти сестры Эрика в первый раз сбежала в Стокгольм, где сделала короткое каре и выкрасила волосы в темно-красный цвет. Впрочем, сбегала она не для того, чтобы найти салон подороже. В одном из личных сейфов особняка в Седермальме Энджел Мортон хранила свой генетический материал. Особняк принадлежал их матери, но только Эрика знала, в каком тайнике сестра спрятала образцы своей крови и тканей.

Ее нашли и вернули домой. Семейный совет был долгим и шумным. Вопрос о восстановлении Энджел не обсуждался. Православные, как и протестанты, не одобряли подобные операции. Поэтому ни отец, ни мать не поддержали предложения Эрики об использовании генетического материала. Тема была закрыта. Эрику отправили в долгий круиз по Средиземноморью. Ее потеряли в Марселе и опять нашли на выезде из аэропорта Руасси. Но побеги из-под домашнего ареста продолжались.

***

– Кое-кто интересуется, что было в сейфах стокгольмского особняка. Кто-то всерьез беспокоится о том, что существует генетический материал Энджел. Восстановление биологической основы, потом – личности, затем – юридических прав… Это может привести к неожиданному обороту дел. По европейскому законодательству клон может быть восстановлен в правах, если хотя бы один из родителей признает в клоне личность. По американскому – если это сделают двое близких родственников. Она может сделать это и в Европе, и в Штатах. Карелин…

– Так этот "кто-то" не сам Карелин?

– Это другой Карелин. Василий, сын от первого брака. Старику все равно, он не придает большого значения всем этим играм с генетикой и бустерскими технологиями. Отношения сестер и Василия никогда не были особенно теплыми. С Энджел он соперничал, Эрику за глаза называет придурковатой соплячкой. Возврат Энджел с того света приведет к войне. Шестьсот миллионов долларов, которые старик предназначил Энджел в завещании, – это не просто цифра. Это пять процентов акций Iridium-II, нескольких монокристаллических заводов на Западном побережье и лесопилок на Енисее. Стоимость всего этого, в особенности если речь идет о стволах Iridium'a, может возрасти в ближайшие несколько лет на десять – пятнадцать процентов.

– Старик может перекроить завещание?

– Неизвестно. Василий подстраховывается. К шатаниям Эрики по хакерским кафе он относится настороженно. Ему известно, что она пытается установить связи с ребятами с хакс-цены и тусуется с уличными кланами, учится работать с соответствующим ПО. Когда ей исполнится восемнадцать, она получит право на инициацию восстановления. Кто знает, может, у нее хватит денег и на то, чтобы восстановить психическую структуру клона.

– Понятно. И основная цель протокола?

– По данным Карелина-младшего, существуют три компактных контейнера, в которых хранится материал. Ему нужно узнать, где они находятся. Проблема в том, что Эрика научилась стряхивать с себя любых "жуков". Юная леди постоянно меняет места дислокации контейнеров, уходит от охраны, приставленной отцом, от сыщиков Василия, от спутникового слежения. Мисс Мортон практически не общается со старым кругом знакомых, все ее новые приятели – это студенты, ребята с окраин. Никто из них не станет стучать на нее. Нужен тот, кто сможет, пусть и с задержкой, информировать основную группу о ее местоположении.

– Василий что, не хочет купить весь пакет услуг?

– Мы уговорили его только на то, чтобы слежка велась с наших спутников. Наземную часть берет на себя его отдел. За вами – тот, кто будет нашим "маяком" в деле поисков сбежавшей мисс Мортон.

– Что получает клан?

– Карелин заключил сделку с преторами консорциума, но клан будет иметь сорок процентов от гонорара. Выплаты идут за каждый обнаруженный контейнер с материалом. По десять миллионов за каждый термос.

– Почему бы ей не спрятать контейнеры в Лозанне?

– В Лозанне не дают ящик и ключ от него, если тебе меньше восемнадцати. Как и во всех других подобных местах. Вы что, забыли об этом, Питер? Я думаю, Василий опасается такого варианта больше всего. Если какой-то из термосов исчезнет в швейцарских сейфах, ему не помогут никакие деньги. В нашем распоряжении чуть больше года.

– А что с Маргарет?

– Она боится Василия. Вначале поддерживала всю эту затею с регенерацией, но потом имела не очень приятный разговор со сводным братом. Сейчас Маргарет учится в колледже в Беркли и приезжает в Европу на каникулы и семейные праздники. Она без восторга воспринимает новую компанию Эрики. Последние полгода они практически прекратили контакты. Можно сказать, что Маргарет, так же, как и родители, в этой игре не участвует…

Паром подходил к пристани.

– Я думаю, вам стоит вернуться в свой автомобиль, Питер. Договорим на берегу.

Рядом с суперваном Петра гудели дизелями несколько дальнобойных траков с чешскими номерами. На светофоре зажегся зеленый. Ворота парома заскрипели, из стального чрева начали выезжать десятки легковых автомобилей, грузовики, автобусы и темно-зеленые вагоны нескольких ночных поездов.

– Это Фидлер. Есть новости. Парни из [Module9] будут прессовать Карелина вирусами до самого дня ее рождения. "Быки" надавили на Лемура. Судя по тому, что он рассказал, следующие две недели она будет двигаться на юг, а парни – методично отсекать связь. Во Фленсбурге ее ждут. Кто – мы пока не знаем. Есть информация о том, что мисс Мортон собирается сделать цифровую копию ДНК. Дементьев сказал, что кто-то открыл ей крупный кредит, который может покрыть расходы на три гига очень плотного слепка. Аналитики сейчас просчитывают возможные варианты. Как только что-то будет, я позвоню.

Они стояли на берегу, перед той развилкой, где главная трасса уходила в сторону от фьорда.

– Юная леди хочет познакомиться с крутым парнем? Так надо дать ей то, чего она хочет. – Брахман взял в руку пригоршню мелкой гальки. – Мотающийся по трассе волк-одиночка, сплевывающий сквозь зубы при разговоре с клиентом. Каждый день уходит от погони – то от техников Холма, то от конкурентов. Живет в дешевых мотелях, трахает официанток, дерется с дальнобойщиками. Пользователь альтернативной Сети. Маргинал, живущий по ту сторону реальности. Вся та чушь, которую тиражирует сейчас Голливуд и желтые газеты. Конечно, не настолько примитивная.

– Цель всего этого?

– Подцель, а возможно, и ключ к решению главной задачи – убрать ее с улицы. Эрика одержима идеей возвратить Энджел с того света. Поэтому она ищет выходы на серьезных людей, как на хакерской, так и на нашей сцене. Кое-какие успехи у нее уже есть. Но девочке ее круга совсем не обязательно знать исходники Decad'ы или тонкости в обращении с железяками. Ее надо вернуть в дорогие клубы. Юная леди снова начнет носить хорошую одежду, общаться с подобными себе. И больше не будет изучать руководства пользователя по MindScape. Для этого нам нужен наездник с Магистрали, почти ее ровесник, который расскажет ей о всех прелестях жизни на дороге.

– Понятно. Права на использование памяти утрясены?

– Да.

– С кем?

– С родными.

– Почему?

– Господин Сергей уже два года, как покоится с миром. Слишком много пива "Балтика № 7" и слишком неосторожное катание на лодке. Из пятерых, катавшихся в тот день по озеру в парке города Павловска, двое утонули. Это действительно очень грустная история.

– Почему мертвец, Нильс?

– Перестраховка. Если ей придет в голову просветить рефлект, то лучше, если она найдет реальную память, а не что-нибудь, что обычно делают кукольники.

– Реал заканчивается на цифре двадцать два. По легенде ему двадцать пять. Где я возьму еще три года?

– Снимете с себя. Немного фантазии, немного ножниц. Я не думаю, что она сможет разглядеть шов, если его сделаете вы.

До этого Петр работал с подобными делами два раза. Оба заказа были слиты Тумосу и, как он понял позже, были пробными работами. Оба раза это были старые люди, далеко за семьдесят, скромные обыватели, жившие тихо и так же тихо умершие. Раньше в гостиных и спальнях оставались портреты умерших близких и фотоальбомы. Теперь родственники заказывали разговаривающие копии тех, кто отошел в мир иной. Запустив компьютер и подключившись к кластеру того же Тумоса, можно было понаблюдать за жизнью того, кто ушел, но по-прежнему был дорог.

В кемпе на обочине трассы Е-81 Петр провел несколько дней, вспоминая ошибки и удачи десятилетней давности. Сергея Дементьева уже не было. Его жизнь в реале закончилась на цифре двадцать два. То, что могло случиться дальше, так и не случилось, это был чистый лист бумаги, на котором можно было написать все что угодно: первый оглушительный успех, первую крупную неудачу, первую настоящую любовь. Или размеренную обыденность жизни в кредит.

Ужиная крепким кофе и покидая "ирокез" только для того, чтобы сбегать в ближайший супермаркет за пиццей, он заполнял пробел, возникший после той трагедии в Павловске. Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре. Двадцать пять. В этом возрасте неплохо начинать. "Чем дальше, сынок, тем больше жизнь становится похожей на железную дорогу". Так говорил его отец, всю жизнь работавший начальником небольшого подразделения в большой компании. Двадцать лет безупречной службы. Его связей хватило для того, чтобы после университета пристроить сына в свою компанию.

Кейс. Галстук. Бизнес-ленч за счет конторы. Стандартный соцпакет для младшего персонала. Официальные вечеринки. Воздушные шарики с фирменным логотипом. Движение по эскалатору, который медленно, но верно вез наверх лучших представителей среднего класса. Он быстро сумел стать своим в офисе, помогли отцовские советы и собственная коммуникабельность. Ворчание "старослужащих" по поводу низких зарплат и "непроходимой тупости" начальства он поначалу воспринимал как болтовню неудачников, но постепенно стал принимать все более активное участие в этом перемывании начальственных костей.

Однажды вечером, выбравшись из холодной свежести офиса на теплый летний асфальт, ему стало невыносимо противно. Оттого, что опустился до банальных склок, которые никуда не исчезнут, даже если когда-нибудь он переберется в отдельный кабинет. Оттого, что с каждым днем он все меньше понимал, что делает в этом многоэтажном лабиринте.

После работы Петр стал наведываться в ближайшую "стекляшку". Две большие кружки светлой "Оболони" приводили его в состояние благодушного отупения, по утрам отзывавшегося кислым привкусом во рту.

В руке Степанова, начальника отдела логистики их фирмы, была кружка той же светлой "Оболони". "Это сожрет тебя изнутри, парень", – сказал он тогда без всякого вступления, и Петр вначале не понял, к кому обращены эти слова. "Это сожрет тебя". Степанов не был пьян. Честно отработавший свой рабочий день "костюм" начал расслабляться в выходные. "Я не совсем понимаю?.." – "Тебе не нужна карьера, парень. Ты рвешь свою задницу надвое не для того, чтобы сидеть в отдельном кабинете". – "Все остальные хотят этого". – "Им нужна скорлупа; дело, которое они делают, приносит им деньги и видимость успеха… тебе нужно другое. Ты хочешь быть профи, чтобы другие говорили о тебе: да, этот парень многого стоит. Для тебя это успех". – "И это жрет меня?" – "Нет. Тебя жрет бессилие. Ты хочешь покататься на ударной

волне, а сам плетешься в фарватере за ледоколом, и шансов выйти в авангард у тебя почти нет". – "Откуда вы знаете?" – "Поверь, я видел достаточно амбициозных сопляков. Хороших и разных. Тебе надо быть впереди, на капитанском мостике… ветер в лицо, крики чаек, на всех парусах к… Короче, вся эта романтическая чушь. Твои амбиции можно удовлетворить гораздо быстрее и без потери достоинства". – "Как?" Степанов заглотнул пива, вытащил толстый деловой блокнот. "Менять систему. Не бойся, это не страшно. У такого, как ты, все еще спереди. – Твердым почерком он вывел мыльный адрес. – Пошлешь сообщение. Сошлешься на меня. – Потом засмеялся: – Как звать-то меня, помнишь? – и достал визитку. – Впрочем, если хочешь – заходи в "Орки". Ребята сегодня рулят".

В "Орках" в тот вечер сорокалетние "ребята" из квакерского клана [CLS], известные также как "Клерки", играли четыре на четыре с такими же стариками из [KPD]. Два раза в месяц управленцы среднего звена ослабляли узлы стильных ошейников, закатывали рукава рубашек в крупную клетку и рубились в "Кваку", забывая о тяжести принятых за неделю решений. Именно там Петр познакомился с Белодедом, Hombat'ом, гейткипером из [JPG]. На вторник ему назначили первое собеседование.

У него было еще пять собеседований и два "глубоких" теста. Слухи об оригинальной корпоративной культуре GK наполовину оказались правдой. В конце тестирования ему предложили на выбор ряд специальностей и обрисовали возможные перспективы роста.

Полгода Петр занимался "классическим" гейткипингом. Ему дали двух ботов-фильтров, которые цедили в Сети информацию для полутора десятков клиентов, а Петр контролировал работу и связывался с заказчиками по мере надобности. Попутно он проходил тренинговый класс, который вел Hombat. Тренинги проводились еще с двумя новичками, и вначале Петр воспринимал это как обычный "курс молодого бойца", целью которого было, как обычно, впарить вновь прибывшему основные лозунги фирмы. Позже он понял, что это была первая стадия прокачки, вспахивание земли и засевание поля. Его готовили к работе по основному профилю.

Петр стал кукольником, разработчиком систем искусственного интеллекта. Средний и высший уровень сложности, полная цепочка – от прописки протокола, фильтрующих и синтезирующих модулей, "характера", до внешнего вида. Начинал он с ботов-тренажеров для квакерской арены и за три года сумел добраться до уровня в двести римановских пунктов.

***

"Кукольник, говоришь". С тех пор как Петр уволился из конторы, они сталкивались со Степановым в "Орках". В отличие от всех остальных подобных клубов города здесь была неплохая кухня за относительно сносную цену. Были и весьма оригинальные фирменные блюда типа "Беф-Строгоссов", мороженое "Кокосовый демон" или коктейль "Imp's Swamp". Также большой популярностью пользовались вилки в виде логотипа третьего "Квака", которые некоторые посетители, по большей части мальчишки, пытались безвозмездно взять на память. Пока Петр рассказывал об изменениях, происшедших в его жизни, Степанов наматывал на логотип длинные тонкие макароны. Они плавали в глубокой тарелке, наполненной темно-красным соусом, и кажется, это было тоже что-то фирменное. После того как все макаронины были успешно выловлены из тарелки, Степанов принялся за мясо. "Кукольники. Наследники раввина Леви". – "Кого?" – "Жил такой еврей в Праге. Старая история". Снабженец много чего знал, но в отличие от "бывалых" болтунов никогда не скрывал своего невежества, если был не в курсе. О кукольниках он знал очень много и, более того, время от времени делал проекты под заказ. Логотип насквозь проткнул кусок рубленой говядины. "По большому гамбургскому счету в этой работе нет ничего нового. Это то же самое, чем занимались писатели, художники, артисты и тому подобная братия. Как раньше говорили? "Создать характер" – вот как раньше говорили. Сейчас говорят "сваять протокол". Писатель работал со знаком на плоской поверх-

ности, художник с маслом и холстом, артист делал характер из себя. Ты собираешься делать искусственный интеллект. У тебя есть тачка последней модели, соответствующий софт. Различия чисто технологические. Но суть от этого не поменялась… Ты понимаешь о чем я?.."

Петр пересказал эту историю, заменив некоторые второстепенные детали вроде фамилии главного героя и города, в котором происходило дело. Он отладил альфа-версию и отправил ее нескольким тестерам, которые обычно прогоняли продукт на предмет глюкавости. Ответы были, как всегда, ободряюще положительными, и только от Степанова пришла очень короткая и убийственная мессага. "Плохо".

Старый логистик завалился в "ирокез" на исходе ночи, ранним утром. Не завтракая и не спрашивая, как дела, он с ходу открыл свой командировочный кейс, из которого появилась куча старых компактов. "Она не клюнет на это, ты понял? Она не заглотнет то, что ты и Брахман собираетесь ей предложить. Динамика характера не та, не тот двигатель". Суть дела он изложил минут за двадцать, а после они двое суток правили схему.

– Вся эта братия, писатели, артисты, которая считает себя авангардом впереди стада баранов… Большинство тех образов, которых наплодили эти чудаки, – уроды. Больные и поломанные жизнью люди. А знаешь, в чем проблема? Они думают, что движение идет только от конфликта. Конфликта с теми, кто тебя окружает, или от той трещины, которая есть внутри. Динамика их образа жизни, их героев идет в направлении от травмы или к травме. В сущности, они выносили на свет свои болезни. У тебя, Петро, та же самая динамика. Конфликт, трещина. Она сильная девочка, но она больна. И что ты ей предлагаешь? Вся эта наносная бравада, под которой ныкается молодой амбициозный сноб, с неизжитым комплексом гадкого утенка и частыми приступами карьеризма. Ей не нужен сосед по палате, ей нужен доктор. Точка отсчета, динамика должна быть в другом, не в конфликте.

– В чем?

– Ну ты же умный парень, ты знаешь ответ. Сильные чувства, впечатления, большие события, любовь, успех. Длинный список… Ладно, не буду тебя мучить, мне нужна биография ее сестры…

Первичный массив данных по Карелиным степановские боты-аналитики обрабатывали часа три. Сам логистик молча топтал клаву, игнорируя голосовой интерфейс управления.

Он набивал длинные команды в консоли и постоянно требовал зеленый чай.

– Ты знаешь, чего она хочет?

– Воскресить мертвеца.

– Правильно, а почему она этого хочет?

– Потому что она любила свою сестру.

– Слишком общий ответ. Конкретизируй.

– Не знаю.

– Потеря, сестра унесла с собой что-то, что было нужно Эрике. Что? Ты знаешь?

– Нет.

– Смотри. Вот этот пик. Энджел оканчивает колледж, потом полгода в отделе маркетинга, ничего особенного, рутина, факсы со стола на стол носить. Полный застой. В июле она просит о переводе и переходит в отдел контрактов того же подразделения и тут начинает скакать через позиции. За год она добирается до второго зама.

– Папа подтолкнул?

– Старик? Никогда. Этот веревки из Василия вил, пока тот стал тем, кем он стал. Версия не проходит. Что еще?

– Федор Иванович, не мучь…

– Момент истины. От этого люди бросают все и уходят в монастыри, меняют образ жизни, полностью перекрашивают мотивировки. Священники называют это касанием Господа, художники – полетом творческой мысли, вдохновением… Все становится ясно и понятно, нет ничего

лишнего, ясно, что будет дальше, в следующие несколько часов, дней, лет. Она поняла, где ее место в этой жизни. Такие люди иногда меняются внешне.

– Какое это имеет отношение к Эрике?

– Малая буйная, с самого детства. Вся в отца. Она почувствовала эту перемену, эту уверенность Энджел, не понимала, откуда это идет, но хотела быть такой же. Тут не простое желание вернуть плоть к жизни, чтобы потом мило общаться за чашкой кофе. Эрика хочет знать, откуда в ее милой сестре появился этот стержень, это спокойствие и уверенность в себе.

– И что мне делать?

– Дементьев должен быть таким же. Уже нашедшим себя. Пережившим момент истины. Это должно быть точкой отсчета в его характере, а не желание удовлетворить свои болезненные амбиции. Тогда у вас есть шанс, что он станет не просто хорошим знакомым".

– А если она не почувствует, не поверит?

– Почувствует и поверит. Главное – нужно создать образ, обрисовать контур события. Это похоже на взрыв, удар молнии, прорыв плотины. В тебе копится память об этой жизни, тексты, символы, образы. Потом… одна деталь, и все становится на свои места. В одно мгновение. Все обретает смысл, все, что было с тобой. …Похожие вещи случаются с каждым, каждый хоть раз прикасается к Закону, понимает что-то, что было, и после этого знает, что будет. Но у одних это проходит не слишком сильно, и они забывают об этом всю оставшуюся жизнь, у других, один раз начавшись, не заканчивается никогда. Мудрецы, пророки, большие ученые. Таких единицы, их момент истины открывает им Закон во всей полноте. Коннект с сервером Господа, коннект на бесконечной скорости, который не рвется никогда. Вспомни свой первый рейд по Магистрали. Первый выезд из дока, первую трансферную операцию, когда два десятка бортов слаженно работают вместе. Ничего лишнего, только ты, твои партнеры и дорога. Ничего лишнего. Вспомни, Петр. Вспомни, как в первый раз ты оседлал ударную волну, и ты поймешь, о чем ты должен ей сказать.

Тогда Степанов уехал поздним вечером. "Почитай переписку Энджел. Это получше мемуаров какого-нибудь нобелевского лауреата по литературе. Почитай, особенно письма к парню с ником Валигар".

Затем было еще две недели, которые вымотали его до невозможности. Скупые замечания Степанова, установки Нильса, комментарии менее глобального характера от других тестеров – все это еще раз было свалено в кучу и перегнано в "слепок реальности" с плотностью пятьсот семантических плоскостей. В пространстве кластера "базальтовый" массив данных обрел внешность парня двадцати пяти лет. Си-Джей пополнился еще одним объектом с искусственным разумом, судьбой и внешностью.

Позже, когда проект уже вступил во вторую фазу, Эрике дали покопаться в документации отдела кадров, где она нашла информацию о человеке по имени Сергей Дементьев. И как правильно предполагал Брахман, девушка попыталась просканировать рефлект. Она нашла индивидуальные линии памяти, вплетенные в структуру дайса. Это успокоило ее настолько, что она начала делать первые настоящие шаги навстречу тому, кто называл себя "Сергей Дементьев".

***

– Классная у тебя тачка. – Эрика пару раз подпрыгнула на кожаном сиденье. – Хорошо срубаешь? Чего делаешь для жизни?

– В смысле? Что значит "делаешь для жизни"? – Аналитики не ошибались, родной для нее все-таки был английский, иногда она дословно перепирала идиомы на русский.

– Работаешь кем?

– Гейткипером. Кочевник мобильного сегмента. И тачка эта не моя, а клана.

– Да? – Она наклонила голову и посмотрела на Петра из-под своих "Премиумов".

– Ага, – ответил тот. – Петр Хилько, юго-восточный GK-консорциум, клан [JPG]. – Он выговорил это четко и с расстановкой, не поворачивая головы в ее сторону.

– Не надо мне макароны на уши вешать. Наездники Магистрали не берут попутчиков. Это любой пацан с улицы тебе скажет.

– Это пока наездник находится в вахтовом реестре. Перед входом, а тем более при выкате с Магистрали наездник может делать все, что хочет. Пока в сундуке ничего нет, кочевник спит спокойно. Или это тебе пацаны не рассказывали?

– Нет. – Она поправила стекла, слегка съехавшие на нос.

– А что они рассказывали?

– Про что?

– Про Магистраль?

– Да много чего. – Она тушевалась недолго, быстро овладев собой, в голосе опять завибрировали нотки уверенности в ответе на заданный вопрос: – Ты, наверное, про все это и так знаешь.

– Ну чего и где по Магистрали ездит, я знаю, а вот чего пацаны с улицы про это сочиняют, – он широко улыбнулся и повернулся к ней, – не знаю.

– Ха! – Она приоткрыла рот и покачала головой. – Не пацаны с улицы.

– А кто?

– Не важно…

***

"То, что один человек сделал, другой завсегда сломать сможет". Озвучили это русские, но практиковали все, вне зависимости от национальности и вероисповедания. Проблема безопасности для одних была головной болью, для других – способом выбиться из ряда, но и для тех, и для других оставалась куском хлеба. Серверы и соединяющие их спутниковые и волоконные линии, физическая основа Сети – как предмет пристального интереса профессионалов с обеих сторон невидимой линии фронта… Вопросы защиты данных – это всегда повод для того, чтобы раскинуть мозгами.

Швейцарцы первыми стали организовывать защищенные со всех сторон информационные банки. Это называли "коротким поводком": клиент мог получить доступ к своей информации в специальном помещении, защищенном от любой следящей техники. Иногда доступ осуществлялся по защищенной линии точечной передачей в строго определенное время, которое было известно только клиенту. Как и в случае банковского счета, доступ к компьютеру мог получить только тот, кто являлся его непосредственным владельцем.

Прятать компьютер в "ящике" из спецбетона со стенами толщиной полтора метра было по карману далеко не всем. Отсутствие защиты носителя от несанкционированного вторжения пытались компенсировать плавающим графиком работы сервера и его мобильностью. Мобильные сегменты появились в Сети еще до того, как Холм начал строить виртуальность нового поколения. Крэкеры из клана [Aces High], промышлявшие обналичиванием кредитных карт, ездили на мотоциклах с лэптопами в рюкзаках. Постоянное движение из города в город сбивало с толку полицию, искавшую преступников среди очкариков, сутками не вылезавших со своих чердаков.

Идею подхватили. В немалой степени этому способствовало появление национальных подразделений кибернетической полиции. Мобильные сети назвали Магистралью. Сервис Магистрали стоил недешево, но все же был вдвое ниже расценок в Лозанне или Берне. К тому же для того чтобы швейцарцы засунули компьютер в сейф и приставили ему команду из трех операторов, необходимо было пройти ряд процедур, в ходе которых выяснялась репутация клиента. На трассе процедура имела упрощенный характер, рекомендаций двух-трех доверен-

ных лиц вполне хватало, чтобы кочевник взял мини-модуль в свой суперван. Многие серьезные хакеры тоже предпочитали передвигаться по автобанам, а не сидеть в старых гаражах на окраинах.

Гейткиперская No.Mads.Net была крупнейшим и наиболее организованным сегментом Магистрали. Ее начали создавать после первой Берлинской конференции, когда большие компании начали проявлять интерес к "слепку" и другим разработкам. GK отказались от услуг сторонних провайдеров и организовали собственную Сеть, часть серверов которой была поставлена на колеса. Тогда гейткиперы ездили на подержанных семейных трейлерах и мотоциклах и экономили на мотелях.

За прошедшие пятнадцать лет поменялось многое. Мобильный дивизион пересел на тяжелые "ирокезы" и "апачи", и эти суперваны круглосуточно утюжили главные магистрали континентов. Последние анти– и антиантисистемы слежения и защиты менялись одновременно с бензином и маслом. У кланов и консорциумов появились собственные спутники, каналы коммуникации, охранные подразделения и информаторы в лагерях конкурентов. Движение уже прочно стояло на ногах, укрепляя свои позиции на всех участках фронта.

Менялось все. Вечной оставалась только проблема с хакерами-отморозками, которых нанимали "быки" и "костюмы" из офисов. "Двойные команды", дабблтимеры, формировались из уличных кланов, самой низшей ступени хак-сцены. Очкарики разбавлялись бывшими операми, умевшими хорошо водить скоростные трейлеры, но плохо разбиравшимися в коммуникационном оборудовании. Иногда эти придурки пытались упасть на хвост тут же, на какомнибудь шестирядном автобане. Впрочем, кочевники отвечали тем же. Забуревшие ветераны Магистрали вроде Кабана, растерявшего на трассе половину зубов, возили с собой полуавтоматическое оружие и запрещенные Миланской конвенцией глушители, направленным излучением вырубавшие все электрические цепи цели.

Каждый GK-клан имел свой мобильный дивизион. На три месяца в год пять-шесть человек из клана забирали свою основную работу с машин в офисе и пересаживались в "сейфы", передвигавшиеся по трассе со скоростью триста километров в час. Среди них были и двадцатилетние пацаны с нехваткой адреналина в крови, и отцы семейств, для которых ежегодная вахта была глотком свободной жизни. Были старики, не сходившие с Магистрали годами, – те, кто принимал участие еще в первой волне GK. Гвардия ветеранов, прирожденные холостяки без дома и семьи. Координаторы Магистрали, хайкорды и модераторы держали армию гейткиперов под жестким контролем.

По легенде, Сергей Дементьев был одним из хайкордов, средним звеном между группой узлов и претором, модератором региона. Тут они немного приврали, но иначе нельзя было оправдать его постоянное присутствие на трассе. Хайкорд должен быть профессионалом не только в своей специализации, но и разбираться в коммуникационном оборудовании, знать каждую линию связи, доступную в подчиненном ему регионе, уметь быстро реагировать на внештатные ситуации. Для этого надо было помотаться по трассе лет пять-шесть. И это должно было быть не просто профессией, а образом жизни.

***

– Это Фидлер. Есть новости. Последний контейнер при ней. Она все время таскала его с собой. Мы выходим на финишную прямую. Брахман сейчас ведет переговоры с Карелиным относительно дальнейшего хода операции. Но этот сумасшедший русский хочет покончить со всем за один раз. Русские любят быстро ездить. Извини, ничего личного. Претор хочет, чтобы ты поскорее довез ее туда, куда следует. Не исключено, что группа физкультурников догонит тебя прежде, чем вы доберетесь до Фленсбурга. Последнее. Клерк, индекс на борту твоего "ирокеза" совпадает с индексом вана, на котором, по легенде, ездит Сергей Дементьев. Ты

помнишь об этом? Пока мы прикрываем твой рефлект, но лучше ей не смотреть на левое крыло твоего супервана.

***

– Нет. – Петр пережидал с минуту, пока она до шумит со своими контраргументами и опять повторил: – Нет!

– Ну что "нет"? – Она села, поджав под себя левую ногу и развернувшись к Петру всем корпусом.

– Хайкордом нельзя стать, если тебе меньше тридцати пяти.

– Это еще почему?

– Чтобы рулить пятью десятками узлов в своем секторе, надо много чего знать. Надо разбираться в коммуникационном оборудовании, в особенности в том, где есть старые телефонные линии. Нужно быстро соображать, когда возникает какая-нибудь непредвиденность. Да и ребята тоже не подарки, на место таких ставить тоже работа еще та, на пяти языках нужно уметь ругаться. В двадцать пять, – он поднял брови, – вряд ли. – Слушая ее задумчивое молчание, он решил, что это неплохой момент для того, чтобы сменить угол зрения на тему. – А он кто, твой парень?

– Да нет, какой там парень, мы с ним просто знаем друг друга…

– В реале никогда не встречались?

– Не-а…

– Чего так?

– Чего ты спрашиваешь, работа у вас вон какая. Месяцами с трассы не съезжаете…

– Да, есть такой момент. Знаешь, я тоже когда-то с девушкой по электронной почте переписывался.

– Чего, на чат денег не хватало?

– Письмо есть письмо, есть время подумать, не спеша подобрать слова… И письма остаются. Их потом можно перечитать, вспомнить, что тогда было. Треп в кластере или чате – это совсем не то.

– Так что с ней? Как ты с ней познакомился?

На одной из фидошных эх. Там за жизнь народ общался, просто так. Атмосфера была, как бы это сказать, теплая, дружеская очень. Как будто на встрече старых друзей. Каминный зал, народ пьет сухое вино, рассказывает о новостях.

– Ну-у-у, так заманчиво звучит…

– Да, бывало интересно. Мы обсуждали какую-то тему, а потом скатились в мыло. Два-три письма в месяц, она рассказывала мне о себе, я – ей. Она жила в другом городе, полторы тысячи километров. Писала мне о своих поклонниках, я писал о своих девушках. Советовались, что делать и чего не делать. Мы были друзьями. Потом она вышла замуж, родила ребенка. Мы еще полгода перебрасывались письмами, а потом все закончилось.

– У тебя есть ее фотография?

– Нет, мы не посылали друг другу фотографий.

– Почему?

– У каждого из нас уже был порядочный стаж в Сети. Никто из нас особенно не надеялся на то, что в реале у нас получится что-то большее, чем было в общении по сетке.

Возникла пауза.

– И вы никогда не виделись? Даже по телефону не разговаривали?

– Нет, никогда.

– А что такое "фидошная эха"?

***

Кроме папиной охраны, за ней постоянно ходили частные детективы, нанятые братом. Эрика знала об этом и каждый раз находила новые способы ускользать от охранников. Впрочем, ее опять находили. Но где она была и что делала в течение того времени, на которое ей удавалось избавиться от слежки, выяснилось только после того, как началось ее общение с ботом. Генматериал своей сестры Эрика разделила на четыре части. По законодательству Объединенной Европы, инициация восстановления биологической основы умершей могла производиться только одним из ближайших родственников, достигшим совершеннолетия.

Она купила четыре криогенных мини-контейнера, сименсовские IceBox, похожие на термосы, в которых сторожа "сутки-трое" держат крепкий чай с лимоном. Хорошая, надежная техника, немцы есть немцы. Распределять материал по холодильникам ей помогал лаборант из университета Гельмгольца, с которым она познакомилась на одной из дискотек. Парень думал, что у них начинается что-то вроде романа, но после того как он упаковал материал, Эрика помахала ему ручкой. Потом его два дня трясли ребята из личной охраны Василия, пока не поняли, что он понятия не имеет, куда она отвезла контейнеры.

Впрочем, один был найден сразу: Эрика доверила первый контейнер матери. Ребята не стали устраивать имитацию ограбления, а просто заменили материал. Во время следующего приезда к матери Эрика обнаружила в термосе лягушачьи лапки и записку от брата. Глупый ход, рассчитанный на то, что младшая сестренка испугается и остановится. Теперь, зная точно, кто за ней подглядывает, Эрика стала осторожной вдвойне. Она научилась стряхивать с себя трансмиттеры, водить за нос операторов спутников, менять внешность и голос, начала читать руководства пользователей по Mind Scape.

Бот вытянул из нее координаты еще двух контейнеров. Однако где Эрика Мортон прятала последний контейнер, выяснить не удавалось.

***

Запускали бота в "Реакторе". Эрика тусовалась здесь с нео-рейверами. Нужно было организовать знакомство, отрежиссировать первую встречу так, чтобы была гарантия второй, короче – произвести впечатление. Пришлось вспоминать пикаперские навыки и настраивать поисковые макросы на материалы, в которых давались соответствующие советы всем, от пионеров до пенсионеров. За эти три дня они с Брахманом вдоволь насмеялись. Старик рассказывал о своей молодости, о том, что они вытворяли в начале девяностых на славянском факультете в Оденсе. Истории про то, как Нильс цеплял крепкогрудых датчанок в барах на побережье, чередовались с редактированием базового протокола AI.

Физически кластер "Реактора" действительно располагался в недостроенном реакторном зале Крымской атомной. Ежегодные рейверские фестивали отошли в небытие. Гостиницы не пустовали, но кислотного беспредела конца девяностых уже не было. Один умник хотел сделать здесь музей. Перспектива превращения реакторного зала в склад реликвий заставила крымчан пошевелить мозгами. Владельцы гостиниц организовали здесь одно из первых виртуальных кафе.

Это называлось Digital Superposition, цифровое наложение.

Цифровое наложение впервые было продемонстрировано на CeBit 2003. Пакет Watcher, автоматизированная система управления и диагностики состояния машиностроительных цехов. Тогда демонстрировалась точная копия цеха "Южмаша", сделанная на основе одного из игровых графических движков. Подключение к цифровой модели было возможно через обычные виртуальные очки. Пользователь оказывался в точной копии цеха на том же самом

месте, где стоял до того, как подключился к виртуальности. Только теперь, кроме самого оборудования, ему были видны параметры ключевых узлов этого оборудования, процессы, идущие в цеху, несложные аналитические выкладки и отчеты, предупреждения о возможных сбоях на конвейере, которые обновлялись через систему датчиков и видеокамер, установленных по всему цеху. Через интерфейс Watcher'a были также доступны контуры управления, позволявшие не сходя с места дотягиваться до нужного рубильника. Более того, все, что двигалось – люди, оборудование, транспорт, – также отображалось в виртуальной модели. Несколько десятков видеокамер отслеживали движение объектов, которое передавалось на главный сервер системы, где Watcher конвертировал их в графические полигональные модели.

Новый рекламный слоган гласил: "Вы видите все то же, что и раньше, и то, чего не видели никогда". В обиход входили "стекла" – очки, не отрывавшие пользователя от реальности. Реальность дополнялась деталями, облегчавшими взаимодействие с ней. Находясь в рефлекте, "отражении" реального объекта, пользователь приобретал новый инструментарий для более полного взаимодействия с окружающим миром.

Первыми обзавелись кластерами-отражениями крупные магазины и развлекательные центры. Теперь достаточно было снять пустое, но хорошо отапливаемое помещение, прикупить дешевой, но крепкой мебели, нанять двух-трех соседок-пенсионерок, качка из ближайшего спортзала, купить пару настольных платформ и взять на работу "садовника", который мог ваять кластеры виртуальности в формате "слепка реальности". Оставалось расклеить объявления и ждать посетителей. Единственное условие – вход в зал был гарантирован только при наличии систем X-Optic или Pink Glass. И тогда пустое помещение становилось дискотекой с сияющими огнями, бабульки с первого этажа – длинноногими красавицами, а простая и крепкая мебель – стильной продукцией от Мегх. Единственное, что было реальным, – выпивка и закуска. Цифровое наложение на эту категорию реальных объектов было строго запрещено. При минимальных капвложениях подобные виртуальные кафе действительно давали отдачу, сравнимую с традиционными заведениями такого же типа.

Технологию, предназначавшуюся для локальных сетей, связанных с автоматизированными системами управления, стали примерять в Internet. Уже первые опыты были довольно удачными. В особенности это касалось скрещивания "цифрового наложения" и геоинформационных систем. Рывок в этом секторе рынка не заставил себя долго ждать.

Раскручивание новой технологии в Сети практически сразу подмял под себя Европейский центр по развитию и координации информационной политики. Давно зревшая в недрах Серебряного Холма концепция "Новой Сети" суммировала последние технические достижения и те стратегические цели, которые должна была выполнять новая виртуальность. Новоиспеченный сетевой проект получил название Cyber Globe, "Кибернетический Глобус". "Сайберглоб" (Си-Джей) позиционировался как универсальная коммуникационная система всех уровней ("аудио", "аудиовидео", "расширенная", "полная"), динамическая и статическая базы данных и совокупность контуров управления антропогенными объектами. Планировалось, что Си-Джей заменит Internet, сможет совладать с существующим там хаосом и решить проблемы безопасности.

Жизнь внесла свои коррективы.

Разделение Сети на три глобальных сегмента произошло после второй Барселонской конференции, где была введена обязательная регистрация как компьютеров, которые поддерживали как Си-Джей, так и пользователей, которые в нем обретались. Вольница заканчивалась. На виртуальных территориях единого информационного пространства, являвшихся отражением реальности, вошли в силу национальные уголовные кодексы, приправленные статьями, регулирующими некоторые особенности существования граждан в этих местах. Кроме этого, регистрировались те серверы, которые содержали рефлекты реальных объектов, представленных в формате "слепка реальности". Эти условия оставили за бортом две крупные категории вир-

туальных пространств. Владельцы одних по вполне определенным причинам не хотели регистрировать свои сайты и кластеры; владельцы вторых не могли это сделать, поскольку их пространства не являлись рефлектами.

На массив этих незарегистрированных серверов нормы уголовного права, равно как и помощь со стороны правоохранительных органов, не распространялись. Кибернетическая полиция, занимавшаяся отловом хакеров на просторах Сайберглоба, не занималась аналогичным "сервисом" для оставшейся части Сети. Владельцы серверов, вернее, их провайдеры, обеспечивали безопасность самостоятельно, в меру своих сил и возможностей. На атаки хакеров отвечали жесткими контрмерами. По мере развития биотехнических технологий методы защиты становились все более изощренными, с привлечением психотронного и псиони-ческого программного обеспечения. Незадачливые пользователи, которые имели неосторожность подключаться к серверам с подобной защитой, все чаще стали обращаться в соответствующие органы. Которые, в свою очередь, не имели никакого юридического права пресечь эти меры самообороны.

Ситуация была утрясена двумя годами позже, когда к Барселонскому протоколу была добавлена статья о свободных виртуальных зонах. Сеть была разделена на три зоны. Первая – собственно Си-Джей. Вторая включала в себя кластеры, не являвшиеся отражениями, поведение в которых регулировалось как национальными уголовными кодексами, так и правилами, устанавливающимися владельцами кластеров. Так возник Шельф. Основой Шельфа, самыми крупными и старыми кластерами, являлись эволюционировавшие игровые вселенные, он-лайновые службы известных игровых компаний и многочисленные MUD'ы и MOD'ы. Ultima Online, Underlight, Brotherhood, Planescape Multi Universe, NeverWinter Nights, близзардовская Battle.net и другие. После того как был узаконен статус пространств Шельфа, один из крупнейших кластеров, Квакерская Arena, наконец смогла сделать из шутеров вид спорта: трансферный рынок реальных и виртуальных бойцов, чемпионаты всех уровней с прямой трансляцией, тотализатор… Телекомпании запустили в Шельфе несколько бесконечных сериалов, в которых некоторые роли исполняли не реальные люди, а упакованный в полигональную оболочку AI. Через несколько лет, после широкого распространения нейротехнологий, следить за событиями этих сериалов можно было уже не с позиции наблюдателя, а глазами одного из героев. В он-лайн перекочевали несколько ток-шоу, и теперь, чтобы поучаствовать в программе, совсем не обязательно было ехать в телестудию – достаточно было просто надеть "стекла".

Отдельную категорию составляли личные кластеры частных лиц. Фанатики Сети, до этого лелеявшие свои сайты в плоском Web, получили новые возможности. Их виртуальные пространства действительно были виртуальными: не отражения, но обрывки этого мира, соединенные ассоциациями и индивидуальными пристрастиями тех, кто их создавал. Перемешанное место и время. Алиса из Страны Чудес пила чай с молоком в замке у Лары Крофт, Блум водил Одиссея по Дублину начала XVII века, а Дюк Ньюкем выяснял отношения с Гераклом. Галлюцинации человечества переселились с бумаги и холстов на магнитооптические носители и обрели наконец собственную жизнь, не зависимую от человеческого сознания.

Чаще всего здесь попадались коллекции банальностей: стихи, свои и чужие; неплохие, но такие узнаваемые картины; интерьеры, содранные из модных журналов. Трогательные рассказы о детстве и юности, предложения вложить деньги в один из "самых оригинальных сетевых проектов" и просто пожелания заходить еще. Фанаты писателей, поэтов и художников, фильмов, музыкальных групп, кинотелесетевых звезд создавали свои версии алтарей, посвященных кумирам. Посетителей встречал личный гайд – привратник, показывавший все, что хозяин оставил для гостей, включая большую книгу, в которой можно было оставить отзыв и подпись.

Иногда Петру было жаль тех чудаков, которые не дожили до этих странных дней.

"Третью зону", которая полностью освобождалась от опеки закона, образовали не вошедшие в Реестры Си-Джея и Шельфа серверы. Хакеры вольны были делать с ними все что угодно. Статья также гласила о том, что посетители подобных зон не получают защиты закона в случае нанесения им экономического либо физического ущерба. Перед тем как пройти через гейт, пользователь получал предупреждение. Мол, если ваши мозги здесь превратят в рулет или ваша кредитка перестанет работать, никто никого наказывать не будет. Так появилась Область.

Для европейских гейткиперов и североамериканских макромиксеров это был качественный рывок. Дайс, "слепок реальности", стал одной из ключевых технологий новой Сети. На нем планировалось создание динамической базы данных Сайберглоба. Динамический "слепок реальности", легший в основу Си-Джея, использовался также для создания пространств второй и третьей зон, поскольку лучше всего отражал свойства физического мира и являлся открытым для дальнейших улучшений, добавлений новых информационных слоев в уже действующую структуру. А это означало заказы на его производство, регулярные апгрейды, написание специализированного софта. Проще говоря, это были не просто большие деньги – это были настоящие деньги.

Тогда он впервые понял, что не ошибся вагоном. Компании, державшие сектор "до того", имели неплохие доходы, отбивая кусок хлеба у традиционных средств массовой информации, но подобный поворот дел выводил гейткипинг на качественно новый уровень.

***

– Это твои?

– Да, жена и дочери. Старшей десять, младшей пять.

Эрика взяла фотографию.

– У младшей твои глаза.

– Да она вообще в меня. Не только глаза, нос и характер тоже.

– Ну да, особенно нос…

Она достала из бокового кармана сумки бумажник и извлекла из него полароидную фотографию. На фото была Эрика и Энджел. Этот снимок был в том досье, которое передал Петру Карелин-младший.

– Сестра? – Прозвучало глупо, но этот вопрос должен был быть задан.

– Сестры нет. – Эрика поправила клавиатуру, лежавшую на коленях. – Умерла. Три года назад.

– Извини…

– Ничего… Слушай, а почему все извиняются, когда слышат это? Они же не виноваты. Зачем об этом говорить?

– Тебя это раздражает?

– Да, делают такой вид, как будто все горе на них свалилось. А самим до лампочки, кем была моя сестра. Противно это…

– Знаешь, наверное, извиняются за то, что спросили, о чем не стоило бы спрашивать. Как будто дотронулись до раны, больного места. Извиняются за ту боль, которую случайно разбудили. Я так думаю.

– Да? Хм… интересно, никогда не думала, что это так, Все эти надутые индюки… Энджел никогда не была такой, молчала, если что-то не нравилось.

– Вы были близки?

– Да, мы доверяли друг другу. Знаешь…

Лэптоп едва слышно запищал. Прервав разговор на полуслове, Эрика опять надела "стекла" и троды.

***

"Это все та же улица и те же дома. Те же деревья и машины. И даже те, кто шел по этой улице до того, как вы услышали легкий шум в ушах, продолжают здесь свой путь. Но это не та реальность, которую вы все еще ощущаете своими ступнями. Это Сайберглоб, Си-Джей, Кибернетический Глобус. Виртуальность, которая есть отражение реального мира.

Для того чтобы попасть сюда, достаточно надеть очки, вставить в ухо горошину микрофона и нажать кнопку питания системного блока в правом кармане вашего пальто. Вы не носите пальто? Вы предпочитаете экран активной матрицы элегантным "стеклам" в тонкой оправе? Нет проблем. Вы до сих пор боитесь вставлять себе в голову нейроадаптер? Ну что же, в таком случае можете обойтись традиционной клавиатурой и двухкнопочным манипулятором. Операционная система Decada позволяет вам пользоваться Cyberglob десятками различных способов – от "ограниченного-визуального", когда вы "видите и слышите", до "полного-нейро", когда вы ощущаете прикосновения и запахи. Как говорили классики, каждому свое, и никто не должен уйти обиженным…

…После того как вы нажали все нужные кнопки, происходит загрузка Decada, подгрузка необходимых утилит, определение ваших географических координат и идентификация вашего личного CG-кода. Теперь вы "видны". Теперь вы можете пользоваться коммуникационной системой (в аудио-или видеоформате) и "позвонить" друзьям, можете переместиться в Париж или в Центральный парк Нью-Йорка. Узнать цены на Старой Петровке и посетить супермаркет на другом конце города, сделав все необходимые покупки, не сходя с той скамейки, на которой сидите сейчас.

И все, что вы видели "там", – точная копия того, что есть "здесь". Точная графическая копия, снабженная интерфейсом, позволяющим вам взаимодействовать по эту сторону "стекол", получать информацию о мире и управлять миром в силу своих способностей и ресурсов. Под графической оболочкой движка RealEarth-II скрыты сотни взаимосвязанных между собой информационных слоев – дайс, так называемый "слепок реальности"…"

***

"Сайберглоб для чайников" написал Вацлав Зембинский, претор пятой европейской зоны. Второй фазой проекта должен был руководить он. В тот день они вместе обедали в одной из львовских "кавярень".

– Хорошая работа, Петя. Я всегда видел в тебе потенциал. – Зембинский запил стейк глотком свежего апельсинового сока. – Почему ты решил отойти от контроля бота?

– Я еще немного поработаю с вашими спецами. Шеф кидает на другой проект. – Отчасти это действительно было так. – Устал я, Вацлав, – произнес Петр несколькими минутами позже.

Тот понимающе покачал головой.

По сути, кукольники и бустеры делали одно дело, но с разных сторон. Для увеличения интеллектуального потенциала отдельно взятой организации можно было либо купить сильный бот-ментат, сделанный кукольником, либо провести специальный тренинг под руководством опытного бустера. Оба метода имели свои недостатки. Бот, особенно сделанный из динамического дайса, а не просто отвечающая на вопросы голова, тупой мимир, работал год, от силы два. После отработки протокола и выполнения всех задач, которые перед ним ставились, он "умирал". Долгожители вроде Фауста, шефа аналитиков банка "Дойче-Дрезден", были штучной работой и стоили несколько сотен миллионов. Бустинг давал такие же впечатляющие результаты, но если это делал "мясник", то интенсивная раскачка творческих способностей могла закончиться частичным разрушением личности. Однако работа, проведенная настоящим профессионалом, была практически лишена подобных побочных эффектов.

В свое время он хотел заняться бустингом, но тогда Белодед резко его осадил. Восстановление психической структуры личности с использованием реальных фактов и деталей, которые нельзя было изменять, требовало полной отдачи. От подобной работы всегда оставались отпечатки – как у хорошего актера, который вживается в роль и даже перенимает некоторые привычки героя. Для Петра было проще создавать карты сознания в Mind's Builder, ваяя ботов-ментатов, делать искусственную во всех смыслах этого слова жизнь, чем собирать по кускам чьи-то семьдесят лет, разбираясь с не изжитыми до конца комплексами, неосуществленными амбициями и неудовлетворенными желаниями. Киберклоны тех двух стариков, которые он делал для Тумоса, дались ему непросто. Фотографии, видеозаписи, демы посещений кластеров, истории психологических травм и личные письма. Пакет этих "документов" нужно было тщательнейшим образом перелопатить, чтобы прописать основу будущей "куклы". Бустеры называли это протоколом: последовательность действий, ведущая к достижению жизненных целей, скрытая и явная мотивация.

В боте была зашита часть его жизни. С другой стороны, память утонувшего Сергея Дементьева стала частью жизни Петра. И еще несколько недель после того, как он сдал работу, ему снилась Мойка, комната в старой общаге Политеха с нацарапанной на стекле цифрой "1991" и силуэт разводного моста над Невой.

– Слушай, ну у тебя и жара. Ты не против?

– Валяй.

Она стянула пуловер и осталась в обтягивающей черной футболке с оборванными рукавами. На левом плече у нее была татуировка: оскалившийся череп, один глаз которого сиял холодно-синим, другой был ярко-красным. В череп был вогнан гвоздь темно-красного цвета. Его согнутая шляпка торчала из макушки, а острие выходило из треснувшей нижней челюсти.

Штырь. Гвоздь. На жаргоне сетевиков так называли адаптер полного нейроподключения. Подобные татуировки носили операторы из британского подразделения Holy Bolts, кибернетической полиции Соединенного Королевства. Они первыми начинали работать с Memphis через полный интерфейс. Но в их тату череп был проткнут с двух сторон – сверху и сбоку. Символ имел бесконечное количество модификаций, доступных по приемлемой цене в любом тату-салоне.

Нейл. Copper Nail. Медный Гвоздь. Эрика придумала этот ник сама, как придумывали их себе десятки тысяч подростков, мечтавших о карьере крутого хакера. Юные хакеры начинали с подделки рефлектов для Сайберглоба, для того чтобы пошуровать в кластерах крупных универмагов типа болсеровских "колодцев". Более умные и талантливые писали сканирующее ПО для откачки информации из закрытых слоев дайса, это касалось в основном информации по финансовым потокам и стратегическим планам компаний. Юнцы писали вирусы, ферментный софт для беспределыциков Области, легкие психонические системы защиты. Иногда начинающие хакеры работали в "двойных командах". Их, в большинстве своем еще несовершеннолетних, ловили практически их ровесники, только что вышедшие из стен киберакадемий "солдаты бинарного фронта". Некоторых малолетних нарушителей перевоспитывали, и потом они уходили учиться в эти самые академии.

Очень немногие из баловавшихся мелким хулиганством на просторах Си-Джея делали профессиональную карьеру – создавали вирусы-убийцы, сжигавшие железо, на котором обитал корпоративный AI; писали "тяжелую" психонику для кластеров "третьего сегмента"; работали с Memphis – "осью", дававшей доступ к контурам управления Сайберглоба, дестабилизируя работу предприятий, банков и военных систем. Они делали еще очень много других интересных и высокооплачиваемых вещей. Каста технокрыс, профессиональных взломщиков, чьи биографии Interpol и подразделения корпоративных разведок крупных компаний знали наизусть. Некоторые из этих бойцов еще помнили командную строку в DOS и уже воспитывали внуков. На хак-сцене тусовалось третье поколение.

Легенды, домыслы и прыщавый романтический бред окружали эту сферу. Игроков хакерской сцены иногда путали с GK из мобильных сегментов. Но армия технокрыс, как и сорок лет назад, продолжала оставаться сообществом продвинутых технарей. Они не пытались обзаводиться пакетами акций, недвижимостью, контролем над ресурсами и высокотехнологичным производством, не занимались политическими играми и созданием новых героев масскульта. Этим активно занимались гейткиперы.

Эрика сумела добраться до той черты, где начинаются настоящие дела. Игра в прятки с частными сыщиками, нанятыми братом, сделала ее экспертом по следящим спутниковым системам и методам их обхода. Подделкой персональных CG-рефлектов и кредитных кодов она занималась походя. Она могла бы пойти дальше, но вовремя поняла, что топает не туда. Копнула глубже, и стало ясно, что восстановление личности не было основным профилем "крутых компьютерных ковбоев". Некоторые из них пробовали делать подобные вещи, но таких за глаза называли "мясниками". Настоящим бустингом занимались профессиональные психологи из солидных клиник, военные эксперты и гейткиперы, которые держали пальму первенства в этом секторе рынка. Их коньком был чистый бустинг, без применения имплантатов и фармацевтики. В деле восстановления личности это было одним из основных факторов, влиявших на решение юристов. Химическая или кремниевая прокачка сильно тормозили процесс, и с вероятностью три к одному дело могло закончиться отказом в восстановлении юридических прав. И тогда мисс Мортон решила действовать сама. Начались ее поиски выходов на GK-кланы. Брахман был прав, Эрика должна была клюнуть на кочевника не только из-за романтики дороги или какого-то "момента истины", о котором говорил Степанов. Ей нужны были связи, выходы в систему, где она могла бы сама стать бустером или найти человека, который смог бы сделать из тупого голема прежнюю Энджел Мортон.

***

– Это Фидлер. Возможно, во Фленсбурге ее будет ждать Гессенец. Ориентировочно – черный Beowolf, HLH-9971-18. Длительный визуальный контакт нежелателен. Сейчас ребята подбираются к линии видимости. Сукин сын прячет рефлект за какими-то новыми масками. Слухи о дайсе подтвердились: Дементьев связывался с Депозитарием два дня назад и заказал "сухой слепок" самой высокой плотности, какую только ребята смогли найти.

***

Доводка "продукта" главным образом проходила в развлекательных центрах Си-Джея. Поведенческие реакции, язык тела, лексика с грамматикой – все то, что требовало четкой и детальной проработки, делал Казимир Бонецкий, кукольник из команды Вацлава. Этот женолюб занимался ботами-гайдами для частных пользователей со средним доходом. Отфильтрованная гейткипером и его ботами-"неграми" информация должна была быть подана клиенту в соответствующем виде. Либо молодым человеком строгой наружности, либо юной мадемуазель приятной внешности. Облеченному в графическую полигональную упаковку AI придавались индивидуальные черты, которые должны были расположить пользователя к общению. Казимир плохо прописывал базовый протокол, но делать ботов привлекательными он умел.

Последняя фаза доводки проходила на "Пирсе", одном из прибрежных кафе в Санта-Монике. Вид на Тихий океан и пляж, длившийся в обе стороны бесконечности. По "Пирсу" ходили девочки в купальниках и мальчики в цветастых гавайках. Их рефлекты полностью соответствовали тому, кем они были в реале, камеры "Пирса" фиксировали все детали их одежды и контуры тел. Основной сервер лишь чуть-чуть корректировал недостатки фигуры, убирая складки с животов и добавляя округлости сверху и снизу. Вокруг их рефлектов не было светло-

оранжевого ореола. Оранжевая кайма была вокруг Казимира, Петра и членов еще одной компании. Это означало, что посетитель в реальности находится далеко от Западного побережья. И, быть может, даже не в Соединенных Штатах.

"Отвертку" они делали сами, предварительно уплатив по девяносто девять символических центов за то, чтобы в рефлектах их стаканов поблескивало нечто, похожее на мартини со льдом. "Гетьман" и апельсиновый сок в пропорции один к одному, в чашках, из которых днем обычно пили чай. Они потягивали "отвертку", сидя в опустевшем офисе Казимира в пригороде Кракова. На Западном побережье было восемь вечера, в Польше – третий час ночи. Гейткиперы ждали: сегодня Эрика назначила боту встречу в этом кафе. Отец утрясал какие-то дела в Лос-Анджелесе и взял ее с собой. Целыми днями она валялась на пляже и каталась на роликах по прибрежному бульвару, а по вечерам бывала здесь.

Эрика пришла первой. Точнее, прикатила на роликах. Обрезанные Levis, футболка с надписью "I Love L.A.", роллерские перчатки на руках, CD-плейер. Усталая от своих забот девочка-подросток. Медно-рыжие волосы были перехвачены полоской, менявшей цвет в зависимости от музыки, игравшей в зале. Эрика плюхнулась на стул и сняла ролики. Подошедший официант взял у нее ботинки и принял заказ на "Кокосовую пальму".

Динамики, установленные за стеной, ловили шум океана, спокойного в тот вечер. Петр посмотрел в окно. Появились первые звезды, багровая полоса заката обрывалась линией горизонта.

Там, за горизонтом Си-Джея, становились доступны кластеры Шельфа. Среди них были пространства, вход в которые предварялся надписью "Host is not registered" – "Хост не зарегистрирован". Здесь начинался "третий сегмент глобальной Сети".

"Третий сегмент" называли по-разному: "Сумеречная зона", X-Zone, Черная Сеть. Напыщенные определения в основном использовали желтые таблоиды, сценаристы боевиков на сетевые темы и прочие дилетанты. Среди постоянных пользователей "третий сегмент" был Областью. Историки Сети давно сошлись на том, что странное название было позаимствовано из игровой вселенной Brotherhood. Область Героев, место, где жизнь пользователей зависела не от законов, которые устанавливали официальные лица пространства, а от силы, с которой индивид мог противодействовать закону и тем, кто его установил. Сутью Области была неограниченная свобода действий. Изнанка Сети, емкость, где скапливался весь мусор, который нельзя было выносить наружу. В Шельфе играли, отдыхая от проблем реальной жизни. В Области жили, удовлетворяя те желания, за реализацию которых в реальности могли дать пару десятков лет тюрьмы.

Таблоиды муссировали извечную тему секса и виртуальности: порнографические магазины, виртуальные бордели, истории о секс-рабынях, занимавшихся "этим" через Сеть. Но они описывали только вершину айсберга. Тем, что было скрыто темной поверхностью воды, занимались профессиональные психопатологи. В кластерах Области обретало форму коллективное и индивидуальное бессознательное, стремление к смерти, немотивированная агрессия, жуткие фантазии несостоявшихся палачей и диктаторов.

Но "третий сегмент" был изнанкой не только психики Homo Sapiens. Его существование было необходимо многим относительно нормальным, с точки зрения психиатрии, людям. В Области не существовало ограничений на использование биотехнических и психотронных защитных систем, вплоть до "тяжелой", смертельной псионики. Место и время, защищенные от чужих глаз и ушей лучше, чем любой бункер в реале. Этим пользовались наркодельцы, торговцы оружием и стратегическим сырьем, политики всех расцветок, национальные разведки, мафиозные структуры. Пользовались, разумеется, не афишируя это. Для крупного политика быть уличенным в содержании "черного сервера" означало конец карьеры, для влиятельного бизнесмена или финансиста – переход в разряд нечистых на руку, со всеми вытекающими для репутации последствиями.

Область была тем противовесом, тень которого уравновешивала закон и порядок глобального информационного пространства.

Петр оторвал взгляд от горизонта. Эрика и бот уже о чем-то оживленно беседовали. Кажется, тогда она спрашивала его о том, что он пьет сейчас в реальности, а он шутил, меняя содержимое стакана, в котором то появлялся томатный сок, то плавала долька лимона. В один момент стакан просто исчез в его руке, а вместо него вдруг появилась старомодная пивная кружка. Стандартный набор ловеласа из киберкафе, но бот делал это настолько непринужденно, что Петр сам несколько минут с удовольствием наблюдал за его манипуляциями.

Тогда на плече у нее еще не было татуировки.

Она стала связываться с ботом сначала через день, потом почти каждый день. После той встречи Эрики с "Сергеем" наступил перелом. Преторы верно просчитали стратегию и нанесли двойной удар: девчонка клюнула на романтика Магистрали, у которого к тому же могли быть связи. Теперь у них были нити, и все, что нужно было делать, – осторожно дергать за них в нужном месте и в нужное время.

Утром Петр передал Казимиру все контрольные пароли бота и съехал с проекта.

Днем позже Эрика сбежала в Европу.

***

Они въехали в небольшой городок в сорока километрах от Фленсбурга, миновав старую церквушку с оградой, выложенной из кусков серого гранита. Суперван проехал несколько кварталов, и Эрика попросила притормозить Петра около супермаркета. Девушка выскочила наружу, не надевая плаща. Ветер по-прежнему разносил пыль по дороге.

Наполовину расстегнутая сумка обнажила край стального цилиндра. Это был криогенный резервуар, жидкокристаллический монитор на верхней крышке показывал внутреннее состояние хранилища. Рядом с замком был стандартный выход для подключения к компьютеру. В ухе опять зашумело.

– Это Фидлер. Куда она побежала?

– За чипсами.

– А… Вообще-то девочка она крутая…

– Что ты имеешь в виду?

– Знакомства. В таком юном возрасте… В неполные вомнадцать тусоваться с Гессенцем, это что-то.

– Что такого особенного в Гессенце? Парень делает сканирующий софт, прозванивает на заказ закрытый дайс. Стандартный набор услуг крепкого середняка.

– Его родной брат работает на Noostech Inc. По контракту. Специалист по перегонке сухого дайса в живую модель и обратно. Он может переконвертировать образцы крови и кожи из холодильника в киберкопию.

– То есть если на перекрестке ее действительно ждет этот немец, Карелину-младшему предстоит простая и убийственная дилемма…

– Ага, или в Лозанну поедет цифровая копия, а если ее все-таки перехватят где-нибудь на трассе "быки" Василия, она устроит спектакль с шумом и криками, как обычно. Гессенец сможет восстановить материал в регенерирующих наноустановках в Noostech Inc, и тогда Карелину придется нанимать хороших адвокатов. Либо, если не получится ее перехватить, восстановление будет производиться с нормального материала. Просто как дважды два.

– Теперь понятно, почему Василий спешит.

– Еще пара часов и все это закончится… Все, она идет, конец связи.

Эрика повернулась к нему, в руках у нее была большая пачка чипсов.

– Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Как хочешь. – Она поудобнее устроилась в кресле и рванула за край пачки. Пакет громко лопнул и из него полетели желтые хрустящие хлопья, засыпав кресло и пол салона,

– Ой, извини…

Кочевник снял руку с рычага коробки передач. Эрика достала упаковку разовых салфеток, сделала из одной кулек и принялась собирать рассыпавшиеся чипсы.

Петр посмотрел на суетящуюся Эрику. Они проболтали несколько часов ни о чем, как и положено случайным попутчикам. За эти несколько часов они успели поговорить о многом: о делах, семье, друзьях и отом, что делается вокруг, и о том "как пунктир белой полосы наматывается на карданный вал". Петр многое понял. Хакерша упомянула всего несколько деталей, о которых нельзя было получить представление, изучая предмет, сидя в аудитории или библиотеке, что говорило о неплохой для ее возраста степени осведомленности. Она знала о том колпаке, которым ее накрыли. Знала о его существовании, но у нее не было цельной картины. Была мозаика из тысяч осколков, в которой перепутался сленг хакерских чатов, внутренние отчеты по биотехнологиям Noostech, пьянки с магистральщиками на перевалочном пункте в Нью-Кельне, продажа ворованных рефлектов как способ заработать на проезд через Туннель-под-Проливом и лицо того парня, который говорил с ней сегодня. Эрика не представляла себе слаженность и масштаб того механизма, который вращался вокруг нее по геостационарным орбитам и волоконным стволам коммуникаций. Два ушедших из ее рук контейнера, эти две крупные неудачи, воспринимались ею как досадные ошибки в игре с этой механикой, а не как закономерность, которую трудно избежать. Глядя на нее, пытающуюся навести порядок в салоне, Петр подумал о той паре мелочей, которая отделяет ее от того, чтобы понять, где закончились случайности.

Она подняла голову, услышав щелчок открывающейся дверцы.

– Ты куда?

– Помою машину.

– Раньше не мог? – несмотря на грубость фразы, в ее голосе не было фамильярности.

Петр сухо кивнул ей.

– Наведи порядок в салоне.

Партию этих суперванов консорциум приобрел у GMC со скидкой в пятнадцать процентов. Первоначально они предназначались для транссахарского проекта "BP" – техникам, которые должны были обслуживать ливийский и алжирский участки трубопроводов. Улучшенная ходовая часть, место под диагностическое оборудование, система жизнеобеспечения. Проект накрылся медным тазом, и гейткиперы купили эти замечательные машины. О сахарском проекте напоминали только номера бортов, проставленные на заводах в Детройте. Болван-дроид, утробно жужжа, ехал вдоль борта, смывая вчерашнюю засохшую грязь. Темно-зеленые щетки оставляли чистую полосу, на которой проступили ярко-красные буквы и цифры. B-81. По легенде, такой же номер был у борта, на котором ездил Сергей Дементьев.

Глядя на белую пену, стекавшую по борту, Петр думал о том, что это ничего не меняет в той партии, которую Эрика сейчас играет со своим сводным братом. Она прошла точку возврата задолго до того, как тормознула его на трассе. Если бы сейчас Фидлер или Брахман спросили, зачем он это делает, вряд ли бы Петр нашелся что ответить. Слишком многое пришлось бы рассказывать. Не так, не так надо было все делать… Может быть, зря он съехал с этой темы год назад. Слепить марионетку и отдать ее в руки другого кукольника. "Когда буря загоняла нас в дом…" Хочешь что-то сделать хорошо, делай сам. "Ветер нес тех, кто не для наших глаз". Эта война не закончится, после этого раунда будет еще один. Новая травма и новый виток. Эрика будет мстить. Василий отбиваться. Потом брат опять пойдет в атаку. "Когда небо над твоей головой…" Может быть, если бы он вел сценарий, то всего бы этого не было и она извлекла бы свои уроки. Осознала, с чем она столкнулась. "Легко ли ты скажешь, кто убил тебя и кто тебя

спас?" Момент истины. Степанов никогда не врал и редко ошибался. Надежды было мало, но попробовать стоило.

Последние белые клочья с пены превратились в черные пятна на асфальте. Дроид подъехал к Петру, ожидая дальнейших указаний. Кочевник дал отбой, запрыгнул обратно в салон и ван резко рванул с места.

Остаток пути они молчали.

Черный Beowolf ждал на другой стороне перекрестка, рядом с небольшим видеомагазинчиком. На улице почти никого не было – воскресенье, все покупки местные бюргеры сделали вчера. Двое мотоциклистов лениво просматривали журналы у лотка с прессой. Эрика натянула пуловер, открыла дверь и выскочила из машины, вытаскивая на ходу кожаный плащ. Поправила волосы, сдвинула на макушку очки. Сумка, противно шурша по коже сиденья, сползла на обочину. Эрика ухватилась за единственную лямку и перекинула ее через плечо. Дверь глухо захлопнулась. Она отошла на десяток шагов, обернулась и робко помахала ему рукой. Петр помахал ей в ответ.

В нагрудном кармане запищал мобильный телефон.

– Это Фидлер. У тебя все нормально?

– Да, можно сказать и так.

– Пришло подтверждение от наблюдателей, ее действительно ждет Гессенец.

– Тут действительно припаркован черный "волк" HLH-9971-18. И что теперь?

– Сворачиваемся. Физкультурная команда Карелина уже в пути. Третьей фазы не будет; единственное, что утешает, – он готов оплатить все, что планировалось… Погоди, почему она стоит?

– Кто?

Петр огляделся вокруг. На другой стороне не слишком широкой улицы стояла Эрика и внимательно смотрела на борт "ирокеза".

Он положил руку на рычаг коробки передач и двинулся с места.

***

Ветер стих. Солнце, пройдя высшую точку, начало заваливаться на запад.

Их перехватили на трассе через полтора часа после того, как он расстался с ней на перекрестке. Ребята передали в офис запись. Грубая работа. Это был последний контейнер, и Карелин решил не устраивать сложных многоходовых операций. Гессенец действительно собирался сделать цифровую копию ДНК. Рабочие файлы вместе с компьютером отобрали, а немца послали подальше сразу же после того, как вытащили Эрику из Beowolf a. Содержимое термоса Карелин самолично вытряхнул на асфальт.

Пока Василий высказывал ей все, о чем размышлял последние полгода, она дожевывала остатки чипсов, сидя на капоте одного из карелинских джипов. Распотрошенный вещмешок лежал рядом, на дороге. Ее не раз ловили оперативники из киберполиции, юная хакерша знала всю процедуру наизусть и всегда носила с собой сумму, требующуюся для уплаты штрафа. Но сейчас ее спокойствие было не таким, какое бывает у опытного нарушителя со стажем, подписывающего протокол в участке. Это было спокойствие игрока, уставшего от затянувшегося матча в серии плей-офф. Время игры вышло. Прозвучал финальный свисток, и счет был не в ее пользу. Пришло время для того, чтобы обдумать ошибки, заново оценить возможности соперника и определить новые цели.

Не обращая внимания на бушующего брата, Эрика соскочила с капота, подняла лежавший вещмешок и пошла в сторону от трех машин, стоявших на обочине. Скомканный пустой кулек полетел под широкие колеса джипа.

***

"Ты знаешь, что самое интересное во всем этом? В том, что все равно, выиграл ты или проиграл. Это второстепенные детали декораций. Боль от того, что по тебе проехало что-то очень большое, пройдет. Боль всегда проходит. Тут нет ничего страшного, у каждого из нас на спине свой след колеи. Куш, если ты и сорвал его, рано или поздно уйдет в песок. Но вот… далеко не у каждого остается тот опыт, который убивает невежество относительно своей персоны, отучает от привычки плевать против ветра, доверять дуракам, синоптикам, политикам. Вот главное. Не в том, что ты выиграл или проиграл. А в том, понял ли ты, чем ты стал после всего этого".

Киев, 2000

Впервые опубликовано в журнале «Навигатор игрового мира» в 2001

Поздний ноябрь 2.0.1.2

Рынок. Длинные торговые ряды, скроенные из железных рам и листов жести. Рынок тянется от входа на станцию метро, вдоль железной дороги, по которой бесконечной гремящей цепью ползут торговые составы и электрички, нафаршированные жителями пригородов. Шум проходящих мимо составов сливается со звуковым рядом рынка, смонтированным из обрывков мелодий, попавших в ротацию этого сезона, и прерывистой многоголосицы. Ближе к входу в метро ряды застеклены. Мутное пластиковое стекло, которое моют раз в полгода. Ноябрьский дождь просачивается сюда монотонными каплями через трещины и плохо подогнанные стыки конструкций. В дырах асфальта скапливается вода, и продавцы тихо клянут администрацию, регулярно взимающую дань, но пальцем о палец не ударившую для того, чтобы залатать покрытие. Вечная история.

Продавцы ютятся в железных коробках – три метра в ширину и столько же в глубину – среди товара, лежащего на прилавке и висящего на задней стенке ячейки. Музыка, диски, книги, журналы, постеры и древние видеокассеты в пластмассовых коробках. Информация, закатанная на все доступные носители. На девять десятых пиратская продукция, стыдливо помеченная фальшивыми голограммами.

Рынок состоит из двух главных рядов, соединенных поперечными проходами, и это единственный элемент логики, видимый с первого взгляда. Продавцы прячутся за неровными стенами книг, развалами альбомов и трехтомных собраний сочинений современных фантастов, дешевыми покетами детективов, псевдоисторическими исследованиями и русской классикой. Они пьют кофе из белых пластмассовых стаканчиков, курят и нервно посматривают на глухие углы прилавков, с которых чаще всего воруют. Компьютерные диски, “гаммы” и флэшки лежат на длинных полках, ролевые игры чередуются с софтом для дизайнеров, признаки упорядоченности условны, товар не рассортирован, и часто сам продавец не знает, где искать последний шутер от id Software. В каморках торговцев культовыми безделушками товар свисает длинными звенящими гроздьями. Там, где заканчиваются крытые ряды, на сером асфальте, прикрытом новыми газетами, лежат старые, тридцатилетней давности книги, виниловые пластинки и коробочки с кассетами, которыми торгуют такие же старые, интеллигентного вида пенсионеры.

Здесь нет логики супермаркетов-конвейеров, где покупатель может найти все, что ему угодно, за десять минут, ориентируясь по надписям на стеллажах и ободрительным улыбкам продавцов. Рынок – это стихия первобытного поиска, пережиток охотничьего инстинкта, где важен не только результат, но и сам процесс. Быть может, это единственная причина, по которой рынок смог выжить, стерпев натиск новых бизнес-технологий.

***

Ноябрь. Небо – все оттенки серого. Желтые листья на почерневшем от дождя асфальте, сорванные и прибитые к земле, сбиваемые ногами горожан в грязные бурые кучи. Дождь, который идет не переставая, то моросящий невидимыми всепроникающими каплями, то как из ведра. Ноябрь – это всегда дождь. Короткие дни без солнца. Утро, которое почти ничем не отличается от вечера. Скрытые капюшонами и зонтиками люди. В ноябре нет лиц, есть только согнутые и спешащие домой или на работу фигуры, торопливо избегающие луж и себе подобных, идущих навстречу.

Андрей любил это время. Серый провал между октябрьским пожаром и едва припорошенным снегом безмолвием декабря. В такой вот серый день она пришла сюда и, легко лавируя между лужами и другими покупателями, подошла к месту, где он торговал дисками. Это был его второй месяц на рынке. Сентябрьское увольнение из “ТНК” все еще зудело в памяти, и он все еще воспринимал новую работу как перевалочный пункт. Перекантоваться и продолжить как-то не к месту прерванную карьеру. Тогда все казалось временным. Временная работа, временная осень. Очередная временная знакомая… Еще месяц – и выпадет снег. И все будет по-новому.

Прошло еще много дней здесь, на этой толкучке, прежде чем новая жизнь превратилась в нечто само собой разумеющееся.

В ноябрьские будни рынок пуст. По нему бродят сбежавшие с лекций студенты в поисках свежих компьютерных игр, коллекций конспектов и контрольных, которые им не удалось найти в сети или просто лень было искать. Они ищут развлечения и софт, который сделал бы их учебу таким же развлечением. С бутылками пива, по три-четыре человека они слоняются по рынку, останавливаясь то у одной, то у другой точки, чтобы потрепать длинные ряды прозрачных пластмассовых футляров, посмотреть на диски с дешевой полиграфией на тыльной стороне, повтыкать флэшки в разъемы компактных устройств воспроизведения, обсудить с продавцом причину задержки очередного хита и попытаться поменять отстой трехмесячной давности на стоящий софт.

Большинство продавцов не любит их. Много разговора, почти нет дела. Эти трое-четверо покупают один диск на всех, сваливают за ближайший угол и там переписывают его на болванки, потом выбирают, кому идти на размен. Тот возвращается к продавцу и вешает на уши лапшу о том, что диск паленый-пиленый и хотелось бы его поменять.

На выходные сюда подтягивается народ. К полудню становится тесно от разнородной толпы, пришедшей сюда за дешевыми книгами и пиратским софтом. Дети с круглыми глазами и тянущие их от лотков молодые родители. Подростки постарше, устраивающие бурное обсуждение в переходах от одного лотка к другому. Серьезные завсегдатаи, четко знающие, что им нужно, и пересекающие толпу с ловкостью хищников, идущих по охотничьей тропе. Странного вида молодые люди с кодовыми знаками на запястьях и куртках, разговаривающие между собой на диком жаргоне.

В отличие от большинства продавцов, Андрей не любил выходные. Напряжные дни. Много людей, много покупок, много воровства. Десяток человек, толкущихся около прилавка – это десять потенциальных проблем, начиная от глупых вопросов и заканчивая стянутыми из-под носа диском или флэш-кристаллом на десять гигабайт.

Дождь идет с утра. Его место расположено на пересечении главного и поперечного рядов и закрыто стеклянной крышей, но он видит, как по лужам центрального прохода бьют капли. Дождь становится сильнее. Продавцы на той стороне главного прохода прикрывают прозрачной клеенкой первые ряды своих раскладок. Порывы ветра задирают кверху концы этих простыней. Порывы редкие, но резкие.

Народ прибывал, день обещал быть веселым. Андрей поправил воротник своей куртки. Хорошая куртка. Волоха посоветовал купить. Мультисезонная, с автоматической терморегуляцией. Стирается легко и самое главное – сушится сама. Включил режим сушки, десять минут

– и готово. Капюшон такой, что шапки не надо. Он не был любителем капюшонов, но как оказалось, штука довольно удобная. Простая практичная одежда. Как и те джинсы, которые он купил на распродаже месяц назад. Главное – стирать вовремя, а так – никаких проблем с гардеробом.

– У вас Road Warrior III есть? – Да-да… был… вот, пожалуйста – Парнишка лет десяти быстро берет диск и читает аннотацию к игре. Позади него стоит высокий мужчина лет сорока пяти с большим зонтиком. Папа. Судя по выражению лица, для него посещение рынка – обязаловка.

– Пакеты сканирования ландшафта? – Что конкретно вас интересует? – “Геодезист 4.91” – на парне длинный шарф, обмотанный вокруг шеи, защитного цвета куртка и очень неплохой рюкзак; на геодезической съемке с помощью цифровиков сейчас можно хорошо заработать. Правда, приходится по стране мотаться, потому как в городе уже делать нечего. – Какое железо используете? – А что, имеет значение? – Да. – Sony GeoUnit 6733. – Неплохая техника. Но “Геодезист” с этим работать не будет… – Почему?..

У лотка скапливается толпа. Пора переключаться на многозадачный режим работы.

– Диски не меняете? – У меня брали? – Нет. – Тогда не получится. – Извините… Я недели две назад здесь у кого-то покупал, но уже забыл где… – Ничем не помогу. – Андрей возвращается к парню с длинным шарфом. – “Геодезист” заточен под Sharp и Panasonic, на Соньках будет ошибка, если работать со сложным ландшафтом…

Раздосадованный мужчина, который не смог поменять диски, отходит от лотка и накидывает капюшон, прежде чем выйти в центральный проход.

Капли дождя сильнее бьют по лужам.

Диски давали примерно тридцать процентов всей выручки и не являлись основным его товаром. В рыночной иерархии он был на другом уровне. Его место находилось в четвертом ряду от северного выхода из метро. Ячейка закрывалась на поликарбонную сетку, которую нельзя было взрезать автогеном и которая запиралась цифровым замком. Впрочем, такие понты мог позволить себе любой начинающий торговец, даже не имеющий постоянного “пастуха”. Главным был товар, который лежал у него в отдельном лотке, слева от основной массы оптических дисков, кристаллов и бумажных журналов в блестящем глянце, разноцветным иконостасом висевшими на задней стенке его торговой ячейки. Все это было у большинства торговцев Старой Петровки. Три сотни мест, где торгуют одним и тем же. То, что лежало слева, было не более чем у десятка продавцов – “термитники”, новая линейка носителей информации, далекий потомок устройств со флэш-памятью.

Среди торговцев “термитниками” его место было одним из первых, если считать от входа в метро. Выгодное место, хотя говорили, что настоящий покупатель идет в глубь рынка. Может, и так, только на его продажах это мало сказывалось.

Как бы то ни было, именно это он считал причиной того, что они с Олей познакомились.

***

Оля была завсегдатаем рынка. Каждую неделю она ходила сюда – когда одна, когда с подругой. Субботний ритуал, предваряющий посиделки в кафе. Ей было двадцать три, она жила в двухкомнатной квартире на Русановке, которую подарили ей родители, непыльная работа в “глянцевом” сетевом проекте. Издание для женщин “до тридцати и ниже” также существовало в “твердом”, традиционном виде и неплохо расходилось. Клон Cosmopolitan с несколькими разделами, посвященными современной театральной жизни. Хорошо оплачиваемая работа на второй роли в отделе рекламы, с десяти до семи, обед за счет конторы и без особой ответственности.

В первый раз Оля купила пять “термитников”, обеспечив ему норму по выручке на два дня вперед. Товар она выбирала быстро, легкими движениями длинных пальцев с ярко-красными ногтями выхватывая из коробки первое, что попадало под руку, и так же легко, даже небрежно, кидала обратно, если это оказывалось не тем. Грациозность, с которой она это делала, наводила на мысль о легкомысленности и неопределенности в целях, но впечатление было ошибочным. Она умела быстро принимать решения и четко знала, чего хотела, а легкость в движениях происходила от многолетних занятий классическим балетом и современными танцами. Хрупкая сероглазая блондинка с хорошо наложенным мейкапом, ростом чуть ниже средне-модельного.

Длинные льняные волосы долго колыхались над темно-красной сумочкой. Тогда Оля, не найдя местной валюты, расплатилась новыми евро. В ее взгляде была легкая досада, и когда она поправила спутавшиеся волосы, Андрей заметил за левым ухом четыре нейроразъема. Четыре SiOt-порта, два из которых были обрамлены изумрудно-зеленой каймой, два других – светло-синей. Зеленые выходы для пассивного приема входящего сигнала. Синие – для вывода сигнала на адаптер активной генерации образа.

SiOt-разъемы, Signal Out.

Оборудование для активной виртуальной жизни.

***

“Термитники”, “термы”, “термосы”. Емкостью больше терабайта, снабженные встроенным предпроцессором. Носители информации на кремниевой основе с универсальным портом, с помощью которого они подрубались к любому компьютеру, терминалу или мини-станции. Через тот же порт “термитник” можно было подключить к центральной нервной системе и пустить сигнал на зрительный и слуховой нервы. Конечно, если у пользователя вживлена соответствующая аппаратура. Клевый товар. Два года назад его выбросила на рынок компания Infeon, еще через полгода тайваньские и сингапурские умельцы наладили производство у себя, и вот теперь они добрались до рынков типа Старой Петровки, по пути растеряв три четверых той цены, которую просили за них в первые месяцы.

“Это очередная революция, – так говорил про “термитники” Волоха. – С тех пор, как сеть переделали в Кибернетический Глобус, это революция”.

Андрей верил ему. Волоха был здесь еще до того, как появились DVD, не говоря уже о S2DVD и флэшках на десять гигабайт. Да что там говорить, он успел еще поторговать обычными сидюками, компактами со смешной емкостью в семь сотен метров. Волоха был одним из старожилов рынка, двадцать лет на точке – это вам не два байта переслать. Сколько всего было революций, он точно сказать не мог. В разные дни и в зависимости от количества выпитого пива это число колебалось от пяти до двенадцати. Первой стало появление CD-приводов в середине девяностых, второй – выход на рынок “писалок” этих сидюков. Дальше список менялся, но одна из “революций” оставалась неизменной – когда сеть переделали в Кибернетический Глобус. Впрочем, такое длинное название Волоха не употреблял. Он называл это Си-Джеем. Искаженное произношение английской аббревиатуры CG – Cyber Globe. Правильно было произносить “Си-Джи”, но мало кто обращал внимание на такие мелочи.

В тот день, когда заработала группа спутников “Снежные Совы”, запущенная на орбиту в рамках очередного международного проекта по развитию информационной структуры, мир перевернулся, правда, поняли это не все и не сразу. С задержкой в пятнадцать минут за “Совами” стартовали основные сервера Си-Джея, размещенные в надежно защищенных бункерах под ютландскими пустошами в районе Хонстхольма. “Совы” вместе с несколькими миллионами наземных камер сгенерировали сигнал, который закачал в себя первый базовый центр Си-Джея. Сигнал был наложен на “слепок реальности”, цифровую модель Земли, максимально

точно (на тот день), описывавшую физические, химические и другие свойства ее поверхности, того, что под поверхностью, и всего того, что стоит, ходит и дышит на этой поверхности.

На экранах пользователей возник Си-Джей, цифровая копия матушки-Земли. Тогда еще довольно блеклая, карикатурная, как черно-белые фильмы начала двадцатого века. Но старт был дан. С каждым днем на растущие вычислительные мощности в районе Хонстхольма поступали все новые потоки данных и Си-Джей все больше становился похож на оригинал.

Кибернетический Глобус.

Виртуальное пространство нового поколения.

К 2010 году человек, у которого не хватило денег на билет до Сингапура, мог зайти в Си-Джей и посмотреть, чем занимаются китайцы на Орчад-Роуд. Картинка на мониторе или на внешней поверхности виртуальных очков мало отличалась от реальности, которую видели эти самые китайцы. Си-Джей был динамической копией, которая меняется вместе с реальностью с дельта-задержкой полторы минуты.

***

Двойная радуга.

Одна – над озером, на фоне уходящей грозовой тучи, темно-серой, полной длинных дождевых струй и электричества. Радуга, широкая, занимающая половину неба, семицветная арка, полупрозрачная, появившаяся ниоткуда и исчезающая вместе с тучей, плывущей на запад. Другая радуга – в ее глазах. Переливающиеся всеми цветами видимого волнового спектра контактные линзы. Контактные линзы с полным нейроинтерфейсом, вместо ее обычных “стекол” в тонкой оправе. Темно-фиолетовый становится ярко-синим, как небо, что сейчас над головой, вымытое грозовым дождем. Небо блестит из ее глаз, широко раскрытых, немного рассеянных и улыбающихся. Темно-синий сменяется на зеленый, и вдруг на миг этот изумруд превращается в кроваво-красный рубин. Взгляд неподвижен и пробивает насквозь. А может быть, ему это только показалось? Последний блеск молнии в серой туче, что уходит на запад. Оля улыбается, и ладони поддерживают розовые щечки, делая лицо пухлым и смешным.

Радуга над озером пропадет через несколько минут, вместе с тучей, оставившей ее.

Она останется здесь, дразня переменчивостью настроения.

Их первое свидание.

Оля много говорила. О работе, о начальнице, о родителях, о своих замужних подругах, о премьерах сезона и кластерах Си-Джея, откуда она не вылезала в ночь с пятницы на субботу, и после долго отсыпалась и до вечера не могла прийти в себя. Они засмеялись, вспомнив, как она копалась в сумочке в ту субботу, когда они встретились.

Ее жесты становились резче. С каждой новой фразой ее лицо становилось ближе, яснее, ее черты заслоняли небо, правильными линиями вытесняя все, что напоминало о прошедшей грозе.

Когда она заговорила о своей студии, цвет ее глаз перестал меняться, зафиксировавшись на родном сером. Оля поправила волосы, оголив четыре порта. SiOt. Она сделала эту операцию в Вене, ее отец не хотел давать денег, но мать всегда умела убеждать. “Да, это больше, чем увлечение”.

Она могла менять свое мнение о нынешнем бойфренде ее лучшей подруги по пять раз за час и пересказывать злобные шутки о своей шефине, у которой личная жизнь так и не удалась. Но о студии она всегда говорила одинаково, и вскоре Андрей знал все о том, что она скажет об этом. Эта часть оставалась неизменной в любое время суток. Ядро операционной системы, которая управляла ее жизнью и всей остальной периферией, подключенной к ней.

***

Андрей поправил “стекла”. Пожалуй, единственная по-настоящему дорогая вещь, которая была сейчас на нем. Neoptic-795. Очки, дававшие возможность видео– и аудиодоступа в Си-Джей. Настоящее “железо”. Линзы полностью ложатся на глазницы, не оставляя зазоров, и при необходимости регулируются. Все вычислительные мощности, передатчик и батареи вмонтированы в дужки. Выглядит немного тяжеловесно, но это лучше, чем таскать на шее батарею, компьютер и передатчик. Тем более, учитывая, где он работает. Болтающиеся на шее предметы здесь лучше прятать или носить там, откуда их трудно будет сорвать.

“Стекла” были не просто понтами. Это был инструмент. Через них он видел виртуальный образ рынка и получал доступ к наложенным на реальность информационным слоям.

Одним из ключевых принципов, на которых строился Си-Джей, было так называемое “цифровое наложение”. На стандартную картинку, которая получалась из переработанного сигнала, можно было наложить любую информацию об объекте в поле зрения. Эти данные вытягивались из более чем сотни информационных слоев “слепка реальности”, так называемого “дайса”, и выдавались пользователю в любой удобной для него форме: плавающих меню с параметрами, таблиц, графиков, текста, звукового сигнала, комментариев “аватар”-помощников. Возможность видеть основные параметры объекта, обновляющиеся каждые пять секунд, понравилась многим. Дорожной милиции, водителям городских маршруток, дальнобойщикам, диспетчерам аэропортов, операторам крупных производства и энергетических станций.

На повседневную жизнь цифровое наложение также оказало влияние. В частности, его появление привело к тому, что из модных бутиков исчезли ценники и продавцы-консультанты. Зачем ценники в реале, если их можно подгрузить в виртуальность с “цифровым наложением” и менять там ежечасно в зависимости от цены на такой же товар в соседнем магазине? Зачем держать живого продавца, если можно заменить его диалоговой системой с приятным графическим интерфейсом, не требующей зарплаты?

В обычных магазинах продавец с надетыми “стеклами” считался плохим тоном. Вроде как это было нарушением этики продаж: продавец видит информацию о клиенте и готов окучить его по полной программе. Ну да, а набрасывать сорок процентов наценки на товар – это “корректное поведение”. Как бы то ни было, в магазинах очки разрешалось носить только покупателям.

На рынке все было по-другому. “Просвечивать” клиента не считалось зазорным. Конкуренция высокая, и поэтому те полминуты, что покупатель находится у твоего лотка, нужно использовать по максимуму. Задавать тупые вопросы типа “А вам помочь?” – самое последнее дело. По опыту Андрея, эта фраза имела скорее отрицательное воздействие. А вот просмотреть, что к чему, и сказать, что вышел Scream Loudly III или Master of Nature Magic XII, могло оказаться ударом в точку. И теперь, пока покупатель читает аннотацию на коробке, у тебя появляется еще две минуты на то, чтобы узнать о нем побольше.

Подобные вещи уже давно не были верхом технического прогресса. Самое интересное в наложении было не это. На стандартную картинку можно было наложить другое изображение – сгенерированное “косметическими” программами, “косметологами”, “космами”. Реальность с движущимися ней предметами становилась каркасом, скелетом, на который “натягивалось” любое другое изображение, любой другой мир. Какая-то часть реального мира, например, лавки в парке и расположение деревьев, оставалась на месте, но большинство деталей заменялось на то, чего никогда не существовало в этом физическом мире. Менялись погода и небо над головой. Менялось все вплоть до выражений лиц, проходящих мимо и их одежды. В наложенной виртуальности появлялись предметы и люди, которых в действительности не было.

***

– …Коля, я серьезно, пока есть оригинальная версия, бери, потом перепрут на великий и могучий или на мову, будешь иметь проблемы. – Двое парней, искавшие новые ролевые игры и продолжения к старым релизам, явно разбирались в том, что искали. Shadows of the Road II, последний хит от Bioware. Насчет локализаций игр на один из двух местных языков они были правы, с этим до сих пор были проблемы. Знатоки брали оригинальные версии, как только они появлялись на рынке.

Тот, кого называли Колей, молча рассматривал коробку с S2DVD, потом полез в карман за портмоне.

– Сколько?

– Тридцать.

Коля протянул деньги.

– Это точно оригинальная версия?

Андрей достал ручку, бланк с печатью и написал на нем название покупки и номер торгового места.

– Будут проблемы – приходите.

С такими ребятами проблем обычно не было. Грамотные люди, знающие, что им нужно.

А вот с этой четверкой придется повозиться, и дай бог, чтобы не было проблем.

Эти четверо тусовались здесь уже минут пятнадцать. Малолетки из “спального” района. Судя по одежде и замашкам, от них можно было ждать неприятностей. Последняя коллекция зимней одежды Columbia, ботинки Timberland, одинаковые спортивные шапочки. Скорее всего, какая-то группировка, пытающаяся стать бандой. Мелкий грабеж, торговля слабой наркотой, прикрытие опять же мелких хакерских операций таких же, как и они, начинающих. В свободное время такие компании обычно развлекались с наложением. Посеревшие от времени и побитые трещинами корпуса жилых многоэтажек прошлого века, песок и вечнозеленые ивы мало кого вдохновляют, и с каждым днем нужно все больше пива с водкой, чтобы одномерный ландшафт поплыл перед глазами, а в жизни показалась перспектива. Поэтому обычно посиделки за бутылкой пива, предваряющие групповуху в подъезде, сопровождались виртуальным наложением. Квартал становился веселее, а дешевая и плохо наложенная косметика девчонки из соседнего дома превращалась в макияж фотомодели.

Эти четверо искали клубные программы. Первое серьезное вложение нажитого непосильным подростковым трудом капитала.

С таких вещей начинали многие. Дело казалось простым и нехлопотным. Снять полуподвал в многоэтажке, полулегально подвести оптоволокно, прикупить среднего класса технику и – главное – купить пакет, позволяющий создавать виртуальное пространство, которое накладывалось на пустые стены подвала. При наличии воображения, хороших отношениях с местной налоговой и районной администрациями, а также старшими пацанами, курировавшими микрорайон, затраты на такой клуб отбивались за полгода. И потом давали неплохой навар. За мебель платить не надо, плата за аренду – ниже плинтуса, издержки только за электроэнергию и отопление. Стой на входе, проверяй билеты. Если наладить в таком клубе продажу выпивки и, еще лучше, легкой наркоты, то дело имело шансы пойти еще веселее.

С "крышей" можно было договориться. С налоговой тоже, в особенности, если там работает тетя или троюродный брат. С дилерами-химиками, продающими цветные таблетки, – сложно, но в принципе можно. А вот с воображением чаще всего бывали проблемы. Создать оригинальный клуб было тяжело именно по этой причине. Каждый день в городе возникал десяток клубов, из которых девять не переживало первого месяца. Потому что на серые стены полуподвала натягивались стандартные приевшиеся кластеры, которые делались на коленках за два дня с помощью вот таких вот “клубных программ”.

***

Светло-красная сфера с синими и бордовыми прожилками по всей поверхности висит в белом пустом пространстве. Пауза уже кажется затянутой, когда цвет пространства начинает менять оттенки, появляется динамика: яркие протуберанцы, всполохи пламени, кривые тонкие молнии. Они касаются поверхности сферы, и та меняет форму и цвет, сопротивляясь и поддаваясь происходящему вокруг. Сфера вбирает в себя молнии и фрагменты предметов, появляющиеся из окружающего хаоса. Вдруг ее поверхность подергивается рябью, и она ощетинивается рядом ровных стальных шипов, которые отбивают предметы и отражают молнии, летящие из середины ниоткуда. Через мгновение их уже нет, поверхность поменяла цвет, и сфера стала толще. Проходит несколько циклов, сфера покрывается несколькими десятками слоев, которые помогают ей защищаться или вобрать окружающую жизнь. Но борьба продолжается. В этой борьбе проходит еще половина вечности, пока наконец внутри яйца не появляется нечто, похожее на свернутый женский силуэт. Лежащее в позе зародыша тело взрослой женщины.

Еще мгновение, и сферы уже нет. Есть нарисованный четкими линиями профиль женщины, которая стоит с широко раскинутыми руками, не страшась происходящего вокруг. Протуберанцы и молнии становятся быстрее и ярче, и женщина начинает танец.

Эту композицию Оля назвала “Рождение сознания”, и это был один из тех номеров, которые она показывала только тем, кто хорошо знал ее. По субботам эти люди приходили к ней, и она открывала им свою студию. Квартира когда-то была трехкомнатной, но перед тем, как въехать туда, Оля заказала ремонт. Две комнаты объединились в достаточно просторный зал, стены которого были оклеены белыми обоями. Аппаратура для генерации виртуального наложения, полтора десятка стульев, столик, на котором в дни приемов стоял кофейник, печенье и минеральная вода.

В такие дни сюда приходили ее друзья. Единомышленники, новаторы, экспериментировавшие на пересечении традиционного театра и новых цифровых технологий. Чаще всего это был театр одного живого актера в окружении виртуальных декораций и существ, мало напоминавших человеческие. Галлюцинации, доступные не только их создателям. Иногда эти ребята употребляли с кофе сухие амфетаминовые добавки и практиковали подачу прямого сигнала на центры удовольствия, но сама Оля избегала этого. Ей нравилось танцевать, получая при этом чистый, природный амфетамин.

Танец каждый раз был разным. Как и концовка выступления. Борьба женского тела и жизни, которая била со всех сторон, чаще всего заканчивалась победой женщины. Закаленное огнем, покрытое сотней защитных слоев тело начинало излучать свет в спокойном синем диапазоне, и протуберанцы гасли. Иногда яркие трещины молний усеивали тело отпечатками, и после нескольких ударов оно рассыпалось на тысячи мелких осколков.

В субботу Оля принимала гостей дома, а в четверг работала в небольшом театре-студии на Ярославовом валу. Там она играла чужие роли в пространствах, сделанных другими людьми. Что-то ей нравилось, что-то – нет, но она считала работу нужной. Практика, возможность отрабатывать технику были первой причиной, по которой она оставалась там. Второй – возможность показать себя тем, кто искал актеров и дизайнеров для более серьезной работы. На этот случай в ее сумочке всегда лежали демозаписи “Рождения сознания” и “Флиппера”, лучших ее вещей.

В ожидании спектакля он бродил по фойе, небольшому залу с картинами, написанными маслом, и слушал разговоры о том, как виртуальное наложение и другие цифровые технологии изменяют театр. “Пространство, расширяющееся практически до бесконечности и послушное всем изменениям, которые над ним совершают. Актер больше не ограничен сценой, условностью мира, делающей представление на сцене фарсом. Сцена и зал более не разделены, теперь нет этого условного и глупого деления на реальность и мир игры, теперь все едино, и актер

– центральный элемент новой концепции, действующий режиссер пространства и времени, меняющий рамки по ходу пьесы…”.

Пламенную речь произносил молодой худощавый человек в черном костюме на два размера больше. Андрей слушал непрерывный поток сознания и думал, что полгода назад компания таких людей показалась бы ему странной. Сейчас он вслушивался в рассуждения о новых пространствах человеческого сознания, и рабочий день с девяти до шести в чистом белом офисе казался однообразным заводским конвейером. Другая жизнь, с отсутствием четкого ритма и импровизацией на ходу. Странно, но она была больше похожа на настоящую, с ее неожиданными вывертами и стенами, которые возникают там, где их не ждешь. Офисный кубик из тонких листов трехслойной фанеры, внутрикорпоративные правила поведения и стратегия развития компании – это всего лишь слабая попытка защититься от непредсказуемости жизни, сминающей то, что противоречит ее древним правилам. Эти фантазирующие мальчики и девочки живут честнее и правильнее, воспринимая происходящее тогда, когда оно происходит, не пытаясь нарисовать прогноз на следующие три года.

***

“Познакомь”. – “Она не в твоем вкусе”. – “Еще как в моем. Высокие блондинки очень в моем вкусе. Или у тебя с ней всерьез?” – “Не знаю”. – “И когда узнаешь?” – “Как узнаю, тебе расскажу первому”. – “Да я не буду клеиться. Если у тебя намерения, я подожду до лучших времен”. – “Ну, а тогда нафиг тебе с ней знакомиться?” – “Она оказывает на тебя благотворное влияние. Хочу узнать, как у нее это получилось. Спокойнее ты стал, Андрюша”. – “А что, раньше был дерганым?” – “Нет, но раньше ты к работе относился как-то без энтузиазма. Типа, чего там на рынке стоять, дисками торговать. Корни пускаешь”. – “Ты знаешь, какой у нас был уговор. Я нахожу место, и мы мирно расходимся”. – “Ну и что, нашел?” – “Пока нет”. – “Ну ищи, ищи”.

Его круглое бородатое лицо засияло ехидной улыбкой. Пачка новых дисков, которые он держал в левой руке, исчезли в толстой джинсовой куртке. Короткая куртка заканчивалась прямо над широким поясом, державшим синие джинсы, заправленные в черные спортивные боты. Раскачивающейся медленной походкой Волоха пошел на другую точку, располагавшуюся через два ряда.

На вид Волоха был грубоватым увальнем, типичным рыночным барыгой средней весовой категории. Но каждый год у него появлялась новая точка на рынке, и ребята, которые его крышевали, отоваривались тоже чаще у него. Он умел прочувствовать ситуацию. Иногда еще до того, как она случалась. Он был прав. Что-то изменилось. Андрею стало нравиться здесь. В отличие от товарного рынка, который располагался справа от метро, здесь продавцы отличались воспитанием и определенной эрудицией. Товар того требовал. Нужно было разбираться в том, чем торгуешь, а без подготовки это было трудно. Андрей подружился с Олегом, державшим точку напротив него, и с Алиной, соседкой сбоку. При необходимости они присматривали за товаром друг друга, перекидывались фразами и шли вместе ужинать после закрытия рынка.

Волоха был прав. Андрей стал пускать корни.

Правда, с чего тот решил, что все это из-за Оли, Андрей так и не понял.

***

Обычная низкоемкостная флэшка вмещала две-три утилиты, которые позволяли просматривать до десятка наложенных слоев. Для прогулок в респектабельный магазин или виртуального экскурсовода этого было вполне достаточно. Для сложных, ресурсоемких программ,

искажавших реальность до неузнаваемости, – нет. Надо было идти домой и подрубаться ко Второй Зоне Си-Джея со стационарного компьютера.

“Термитники" стали вехой. Их емкость была на порядок выше, а предпроцессор облегчал обработку данных для персонального, ручного компьютера. “термитники" позволяли обрабатывать огромные массивы наложенной на реальность информации, превращая знакомые улицы в нечто совершенно новое и неузнаваемое. Проще говоря – таскать на шее целый мир.

Первый раз Андрей услышал о “термитниках” от Васи Кашубы. Тот рассказывал о компании малолеток из его микрорайона на Троещине, которые вскладчину купили софт с японским названием “Синдзюку”. Программа накладывала детали окружения и зданий из токийского района Синдзюку на реальность местных улиц. Малолетки собирались вечером попить пивка, массово подключались к Си-Джею и оказывались в Токио. Андрей сказал, что так развлекаются почти все подростки из спальных районов. На это Вася ничего не ответил, а просто показал демозапись “Синдзюку”. Эффект присутствия был потрясающим. Через два дня Вася принес софт, и Андрей провел два вечера, разгуливая по смеси из виртуального Киева и Токио со схожей геометрией улиц.

Но тогда, в первый раз, ему стало страшно от того, что он всерьез подсядет на это дело. Истории про людей, которые не хотят выбираться из виртуальности, регулярно печатали “твердые” издания – газеты и журналы. Две трети этих статей были перепевками старых страшилок пятилетней давности, но Андрей слышал реальные истории и видел некоторых своих знакомых, которые реально подсели.

Волоха только смеялся над его страхами.

“Да чушь все это. Сколько есть компы, столько говорят о зависимости. А смотреть каждый день по общественным каналам всякую муть типа сериалов и новостей? В Перу снова наводнение, болят мои ноги, мне что с того? Мои предки до сих пор по два часа в день убивают за ящиком. Двадцать лет назад это был телек, теперь это терминал Си-Джея. И они же возмущались, что я за компьютером весь вечер сижу. Андрюша, выкинь эту хрень из головы”. Они тогда пили воскресным вечером посреди пустых рядов. На рынке оставались редкие продавцы, в их ряду уже никого не было. Сквозняк носил туда-сюда обрывки дешевой упаковочной бумаги, газеты и пластмассовые стаканчики. Удачный день. Тогда Андрей действительно почувствовал вкус к этой работе. “Перестань забивать себе голову мутотенью. Люди всегда видели не то, что есть, а то, что хотели видеть. Только раньше это не было так осязаемо, раньше нельзя было взять реальное изображение и смешать его с наложением, нельзя было пустить себе сигнал на нерв”. – “Скажи еще – реальности нет, это все сигнал”. – “Неее… Так не скажу. Все это объективно существует, но каждый видит какие-то куски, которые ему или очень нравятся, или не очень, или он к ним вообще равнодушен. Понимаешь? Вот видишь, эта бутылка пива наполовину… ну?” – “Полная”. – “Правильно, или наполовину пуста. Такая простая вещь, а уже есть две противоположные точки зрения. С “термитниками” то же самое. Программы, зашитые в “термитниках”, берут реальность за основу и выпячивают то, что нравится больше всего. Если ты мазохист и хочешь всего бояться, то выпирает страшное. Но самое главное – у тебя в голове уже есть то, что может просимулировать для тебя софт из “термитника”. Так что проблема не в софте, а в головах”.

Андрей представлял себе, сколько миров проходит мимо него, когда он стоит на рынке. Реальность настоящего была сырым материалом, рудой, которую сознание переплавляло, мешая с воспоминаниями прошлого, планами на будущее, чужими представлениями относительно механики мира и надеждами на лучшую жизнь. Рекомбинация пространства и времени, переназначение смыслов, коктейль из своих и чужих заблуждений. Несущие конструкции, на которых строится жизнь и которыми мотивируются поступки.

***

Они вышли из метро, когда начали падать первые крупные капли теплого летнего дождя. К дому они бежали, но дождь был быстрее, и они оказались в подъезде мокрые с ног до головы, смеющиеся друг над другом.

Окна выходят на канал. Старые ивы по берегам зеленеют молодой листвой, и тяжелеющие ветви спускаются в воду. В праздничные дни из середины канала бьют фонтаны, их струи подымаются вверх и широким веером падают в воду.

Мокрая футболка обтягивает ее небольшую грудь, и она снимает ее с себя, не отходя от окна. На той стороне канала зажигаются огоньки кухонь и гостиных. Темнеет, и в надвигающейся темноте все отчетливее проступают всполохи молний, и далекие раскаты грома становятся ближе. Он подходит к ней, пытается обнять, но она отталкивает его и с улыбкой уходит в ванную.

Июньские дожди часто становятся грозами с градом, но сейчас из неба просто льет. В квартире тепло, и она сидит на широком подоконнике в темной комнате. Вспышки молний выхватывают ее силуэт из проема окна. На ее плечах большое махровое полотенце, закрывающее почти все тело, в руке кружка с теплым чаем. Она смотрит на канал. В углу комнаты беспорядочными огоньками блестит медиа-центр, из которого на небольшой журнальный столик проецируется последний холоклип Арканы. Он сидит в кресле, замотанный в такое же полотенце, и пытается рассмотреть линии ее тела. В одно из мгновений комната освещается особенно сильной вспышкой молнии, и он видит, что теперь она смотрит на него.

Тем летом она часто бывал у нее, задерживаясь допоздна. Оля варила кофе в древней джезве, доставшейся в наследство от бабушки по материнской линии, и они пили его из маленьких чашечек, сидя на том самом подоконнике. Ее коллекция “термитников” и прочих носителей была самой большой, которую Андрей когда-либо видел. Медиа-центр жевал все форматы, начиная от раритетных музыкальных CD и заканчивая “термитниками” шестого формата. Центр был подключен к компьютеру, сутками качавшему из сети самые последние новинки рынка и классику из независимых архивов. Где-то с месяц эти посиделки были невинными разговорами о жизни и о современных течениях рынка цифрового масс-медиа. Длинные вечерние разговоры, мягко освещаемые передачей холопроектора. Полупрозрачные стереообразы растекались по стенам и изменяли геометрию интерьера, проникая в сознание и оставаясь там вместе с ее словами. Годовые кольца на срезе векового дуба, обволакивающие середину. Новые слои бытия, заворачивающиеся плотной спиралью вокруг так и не познанной сердцевины его “я”.

Андрей засиживался у нее до полуночи, а иногда и до часа, потом заказывал такси, целовал в щечку и уезжал. Только в душном салоне такси на него наваливались усталость и воспоминания о завтрашнем тяжелом утреннем подъеме.

В тот вечер он остался у нее дома в первый раз.

Она взяла его за руку и, не снимая полотенца, повела в зал, где обычно устраивала свои выступления. Странно, только тогда он заметил, что пол здесь застелен мягким пушистым покрытием, гревшим голые ступни ног.

Она снимает полотенце с плеч и обматывает вокруг своих бедер.

Две пары стекол с дистанционным приемом сигнала в ее руках. Одну пару она надевает на себя, другую дает ему.

Пустота, белая пустота виртуального конструкта, пространства без времени. Он чувствует только прикосновение ее рук, но не видит и не слышит ее. Она прикасается к нему в реальности, но здесь, в белой пустоте, нет никого. Андрей слышит странный звук. В нескольких субъективных метрах перед собой, на фоне пустоты он видит зеркало и в нем – себя и ее руки, призрачные контуры пальцев, которые гладят и ласкают его. Он одет в длинный демисезонный плащ. Под плащом – хороший темно-серый костюм, голубая рубашка и галстук. Тон-

кие контуры рук продолжают гладить его, и начинает кружиться голова. Изображение в зеркале противоречит тому, что он чувствует сейчас. Оля нагибается и что-то говорит ему. Он не разбирает, что, но видит, как прозрачные руки разматывают пояс плаща и снимают сам плащ, бросая его куда-то в бледную пропасть, расползшуюся во все стороны. Узел красиво завязанного шелкового галстука слабеет. Еще несколько движений, и он сползает к ногам. Туда же падают и исчезают в белой пустоте пиджак и свежевыглаженная рубашка. Пояс с пряжкой Hugo Boss превращается в полотенце, намотанное вокруг его бедер. Зеркало исчезает. Исчезают и полупрозрачные кисти рук без тела. Вместо них появляется Оля. На ней нет ничего, глаза смотрят озорно и внимательнее, чем обычно.

Были и другие ночи, без подключки, на цветных простынях, раскрашенных в модернистском стиле: светло-желтые квадраты на синем фоне. Каждая по-своему незабываемая.

Одна вещь осталась для него непонятной. Оля любила штуки с раздеванием, только если они подрубались к наложению. Это был почти ритуал. Когда они любили друг друга “по-дедовски”, она предпочитала сразу прыгнуть голой в кровать и побыстрее перейти к активной фазе. Ласки в реале, кажется, интересовали ее мало. Странная заморочка, думал он тогда, но ему встречались и более странные вещи.

***

Андрей увидел его периферийным зрением. Ритмично раскачивающийся метроном среди хаотично снующей толпы. Он двигался медленно и осторожно, как пьяный, который делает вид, что все в порядке, когда видит пару патрульных ментов. Неопытные милиционеры, из тех пацанов, что только дембельнулись из армии, действительно принимали транзов за пьяных. Несмотря на все инструкции и предупреждения. Они забывали об этом, как и о том, что нельзя называть транза пьяным и пытаться затащить его в ближайший участок. Проблем с адвокатом потом не оберешься. Опытные менты обходили их стороной и если уж задерживали транза, то по другому поводу: “Несоответствие персональной навигационной системы стандартным требованиям”. Опытные дядьки, в отличие от зеленых и полуграмотных сопляков, знали, что идущий по улице транз на самом деле находится сейчас совсем в другом месте. Его сознательная часть выполняет какую-нибудь работу в корпоративном кластере или оттягивается в одном из тысяч развлекательных пространств Шельфа. Рефлексами и движениями тела управляет навигационная программа, софт, через прямой порт подающий сигналы на мозжечок. Дух в полном смысле слова витает в облаках, а бренная плоть дана на откуп программе, экспертной системе низшего класса, которая не позволяет хозяину тыкаться носом в столбы или прохожих и ходить на красный свет.

Расщепленное сознание. Дух, временно освобожденный от необходимости смотреть за плотью.

Трансгумат. Транз.

Такой же раскачивающейся походкой транз подошел к точке Андрея. Капюшон, надвинутый на лицо, верхняя половина которого была спрятана за “стеклами”. Четыре толстых кабеля уходили от оправы в густую курчавую шевелюру. Руки убраны в карманы куртки. Один бог – да оператор, курирующий этот участок рынка, – знали, какой сигнал идет сейчас на зрительный нерв транза. Концерт Rammstein в прямом эфире или матч за европейский чемпионат по Quake TV Conversion (сейчас как раз должны идти четвертьфиналы одиночного турнира). В любом случае, транз был сейчас не здесь. Если реальность и присутствовала, то, скорее всего, она была небольшим окошком, плавающим где-нибудь в правом верхнем углу его поля зрения.

На секунду транз застыл в неподвижности. Андрею показалось, будто что-то щелкнуло. В движениях транза появилась осмысленность. Он поднял голову, и Андрей увидел свое отражение в больших, на половину лица, очках.

– Pandora Toolset есть?

– Нет.

– А Moonlight Spooks?

– Какая версия?

– Шестая. Можно и пятую.

У него был ровный спокойный голос. Скорее всего, вольнонаемный аналитик, работающий тогда, когда ему удобно, а не тогда, когда скажет начальство. То, что он просил, было профессиональными пакетами для работы с плотными информационными средами в режиме реального времени. Андрей достал "термитник".

– Я проверю.

– Пожалуйста.

Транз достал правую руку из кармана и подключил флэшку к "локтевику". На несколько мгновений он застыл.

– Нормально. Сколько?

– Сто двадцать пять, – он снял пломбу с "термитника". – Обмен – пятьдесят.

Транз протянул новенькую банкноту. Андрей отсчитал сдачу.

– Спасибо.

– Приходите еще.

Транз отошел в сторону.

Странный малый.

С виду – полный гик, транз, поведенный на виртуальности настолько, что даже в туалет его водит программа-навигатор. Но обычно транзы разговаривали дергано и невнятно, бестолково торчали у лотков и не знали, чего им толком надо. Голова уже в реальности, а задница застряла в каком-нибудь кластере Си-Джея. Как будто только проснулся. Этот знал, чего хотел, и провел у лотка столько времени, сколько было нужно. Человек-расписание. Волоха говорил, что такие ребята – самые серьезные из всех, кто приходит на рынок. Поведенные на карьере. Ешь-потей-работай. В перерывах спи. Если прикормишь такого, можешь считать, что приобрел постоянный источник дохода. Если вычислишь его расписание, можешь считать, что с доходами от продажи появилась некоторая определенность.

"Была не была". Андрей решил попробовать прозвонить этого парня. Кто его знает, может быть, действительно можно будет узнать, кто он, и в следующий раз поддержать разговор. Андрей продал ему нормальный товар, так что, может быть, он и в следующий раз придет сюда. Андрей поправил "стекла" на носу, вытащил из правого кармана пальто четки, запустил скан-программу.

Вокруг ходивших мимо него покупателей снова засветились ореолы из цифр и текста. Обычная информация, которую генерировал о своем владельце персональный CG-терминал. Типа электронной визитной карточки. Получив эту информацию с помощью обычного скана, можно было запустить более сложный софт, который искал и анализировал полную информацию об объекте. При умелом использовании софта за час-полтора о человеке можно было узнать многое. Незаменимая вещь, чтобы пикапить девушек или раскручивать зажиточных покупателей-чайников.

***

Темно-зеленая рамка курсора легла на спину уходящего транза.

Над рамкой возникло имя. "Net4er". Сетевой ник.

Больше ничего о том, кем был этот странный покупатель.

Потом латинские буквы трансформировались в тонкую полосу, которая сжалась в светящуюся точку. Транз остановился. Пауза длилась с полминуты, после чего точка над его голо-

вой стала расширяться, разъедая окружающий мир, разрывая его в лохмотья, срывая с покупателей демисезонные пальто и куртки. Вода из луж испарялись, оголяя провалы в асфальте. На голых деревьях появилась листва. Зеленая и сочная июльская листва. На сером небе стали проступать голубые пятна. Андрей поднял глаза вверх. Где-то там было солнце. Режущий глаза ослепительный свет, превращающий в летнюю пыль последние осколки осени.

“Сукин сын…”

Транз, которого он хотел просветить, засек это и почти сразу запустил контр-программу. Незлобный парализующий вирус. “Смывка”. Обычно такие программы снимали все виртуальное наложение, возвращая человека в ничем не прикрытую реальность. Андрей зажмурился и снял “стекла”. Осень пропала. На дворе стоял теплый июльский день, с утра синоптики обещали, что все пройдет без осадков. Транз стоял в двадцати метрах и смотрел на Андрея. В реальности он выглядел почти так же, как в виртуальном рефлекте города, только с поправкой на лето. Вместо куртки с капюшоном на нем была длинная спортивная кофта размера на три больше, свисавшая до колен. Правда, все с тем же капюшоном. Андрей зажмурился от яркого света и огляделся.

Вокруг сновали люди в футболках и обычных солнцезащитных очках.

Транз покачал головой, повернулся спиной и направился к станции метро.

***

“Я улетаю сегодня. Как приеду – позвоню. Хороших тебе выходных. Целую. Пока”.

“Куда?”

Мысль, почти произнесенная вслух.

Впрочем, это не имело значения.

Короткое видеосообщение. Оля на фоне стеклянного фасада аэропорта “Борисполь-3”. Секунда помех после завершения передачи и бледный экран CG-терминала с пульсирующими секундами под датой. Международный аэропорт, тот, что выстроили пять лет назад. Если она звонила оттуда, значит, это не местный рейс, значит, она улетает далеко. Если она не сказала об этом заранее, значит, улетает надолго. Это было важно.

Все остальное – детали.

Она ушла так же легко и неожиданно, как и пришла. В этом была своя логика, и жаловаться на жизнь было глупо. В тех длинных вечерах, которые они проводили у нее дома, не раз звучало слово “Париж”. В ее коллекции было полно флэшек с софтом, дававшим доступ к виртуальной версии города. Там были и дешевые туристические флэшки с программами доступа к десятку популярных мест, и профессиональный софт экскурсоводов, с помощью которого можно было пройтись по всем улицам в максимальном разрешении. Оля знала город наизусть и несколько раз бывала там в реале. Это был ее любимый город, и она стеснялась своего увлечения, считая его банальным. Город, задававший архитектурную и другие моды в течение последних двух веков, не мог не нравиться. Если она и могла куда-то уехать надолго, то только туда.

Она ушла, но Андрей знал, что она вернется. Не знал, как это будет, но знал, что обязательно случится.

Так оно и случилось. Через месяц от нее пришло письмо по обычной электронной почте, а на следующий день – извещение о посылке на его имя.

Извещение о посылке с местного почтового отделения он воспринял, как забавный курьез. Это случилось с ним первый раз, он никогда не получал посылок по обычной почте.

В бандероли была записка и “термитник”. Записка – неровным почерком человека, редко державшего в руках обычную ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.